

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фромм Эрих Искусство любви.

Примечания переводчицы Л. Чернышёвой: Перевод немного отредактирован в 2009 году. Сноски даны в конце каждой главы, в отличие от печатного издания 1992 года, где они – постраничные. HTML версия книги доступна также на персональном сайте переводчицы <http://www.tchernyshova.ru>
Все издания этой книги Э. Фромма в переводе Л. Чернышёвой, выпущенные издательством АСТ, являются контрафактными, осуществлены без ведома переводчицы.

Кто ничего не знает, тот ничего не любит. Кто ничего не умеет, тот ничего не понимает. Кто ничего не понимает, тот ни на что не годен. Но кто понимает, тот и любит, и уделяет внимание, и видит... Чем больше усвоено знания о каком-то предмете, тем больше любовь... Предполагающий, что все плоды созревают одновременно с земляникой, ничего не знает о винограде.
Парацельс

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Чтение этой книги вызовет разочарование у того, кто ожидает легкодоступного руководства в искусстве любви. Эта книга, как раз напротив, предназначена показать, что любовь – не сентиментальное чувство, испытать которое может любой человек независимо от уровня достигнутой им зрелости. Она предназначена убедить читателя, что все его попытки любви обречены на неудачу, если он не стремится активно развить свою личность в целом, чтобы достичь плодотворной ориентации; что удовлетворение в любви к конкретному человеку не может быть достигнуто без способности любить ближнего своего, без истинного смирения, отваги, веры и дисциплины. В культуре, где эти качества редки, обретение способности любить будет оставаться редким достижением. Пусть каждый спросит себя, как много действительно любящих людей он встретил.

Однако сложность задачи не должна быть причиной отказа от попытки понять и ее сложности, и способы ее решения. Во избежание ненужных усложнений, я старался изложить проблему на языке столь терминологически простом, сколь это возможно. По той же причине я свел к минимуму ссылки на литературу о любви.

Для другой проблемы я не нашел удовлетворительного решения, т. е. не сумел избежать повторения идей, высказанных в предыдущих моих книгах. Читатель, знакомый, в частности, с книгами «Бегство от свободы», «Человек для себя» и «Здоровое общество», найдет в этой книге много идей, высказанных в этих предшествующих работах. Тем не менее «Искусство любви» отнюдь не является в основном кратким пересказом. Эта книга содержит много идей, выходящих за пределы уже сказанного ранее, и, что вполне естественно, даже старые идеи порой обретают новую перспективу благодаря сосредоточенности на данной теме – теме искусства любви.

Э.Ф.

I. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЛЮБОВЬ ИСКУССТВОМ?

Является ли любовь искусством? Если да, то она требует знания и усилий. Или любовь – это приятное чувство, испытать которое – дело случая, нечто «выпадающее» тому, кто удачлив? Эта книжка основана на первом суждении, хотя большинство людей сегодня, несомненно, верят во второе.

Не то чтобы люди считали любовь делом неважным. Они жаждут ее, они смотрят бесчисленное множество фильмов о счастливых и несчастливых любовных историях, они слушают сотни незатейливых песенок о любви, но едва ли кто-нибудь действительно думает, что существует какая-то необходимость учиться любви.

Эта характерная установка основывается на нескольких предпосылках, которые порознь и в сочетании способствуют ее сохранению. Для большинства людей проблема любви главным образом состоит в том, чтобы быть любимыми, а не в том, чтобы любить, самим уметь любить. Следовательно, проблема для них в том, как стать любимыми, как возбудить любовь к себе. К достижению этой цели они идут несколькими путями. Один путь, которым обычно пользуются мужчины, это стать преуспевающими, обрести власть и богатство, насколько позволяет социальная ситуация. Другой путь, используемый обычно женщинами,

это сделать себя привлекательной, тщательно следя за своим телом, одеждой и т. д. Иные пути обретения привлекательности, используемые и мужчинами, и женщинами, состоят в том, чтобы выработать хорошие манеры, умение вести интересную беседу, быть полезными, скромными, покладистыми. Многие из путей возбуждать любовь к себе это те же пути, которые используются для достижения успеха, обретения «друзей и влиятельных связей». В реальности, то, что большинство людей нашей культуры подразумевают под способностью возбуждать любовь, это, в сущности, смесь известности и сексуальной привлекательности.

Вторая предпосылка, лежащая в основе установки, что нет необходимости учиться любви, состоит в предположении, что проблема любви – это проблема объекта, а не проблема способности. Люди думают, что любить просто, а вот найти достойный объект любви, – или пробудить в нем любовь к себе, – трудно. Эта установка имеет несколько причин, коренящихся в развитии современного общества. Одна причина – в большой перемене, произошедшей в двадцатом веке в отношении выбора «объекта любви». В викторианскую эпоху, как и во многих основанных на традиции культурах, любовь не была в большинстве случаев спонтанным личным переживанием, которое затем могло вести к браку. Напротив, брак устраивался по соглашению – или уважаемыми семьями или свахами, или без помощи таких посредников; он заключался на основе учета социальных условий, а любовь, как полагали, придет потом, когда брак уже будет заключен. В течение же нескольких последних поколений в западном мире возобладало понятие романтической любви. В Соединенных Штатах, хотя соображения договорной природы брака еще полностью не изжиты, большинство людей ищет романтической любви, личного переживания любви, которое затем должно повести к браку. Это новое понимание свободы любви должно было в значительной мере повысить значение объекта в сравнении со значением функции.

С этим фактором тесно связана другая характерная черта современной культуры. Вся наша культура основана на жажде покупать, на идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека состоит в радостном волнении от разглядывания витрин магазинов и покупки всего, что он может себе позволить купить за наличные или в рассрочку. Он (или она) и на людей смотрят подобным образом. Для мужчины привлекательная девушка, для женщины привлекательный мужчина – это приз, которого они добиваются. «Привлекательность» обычно означает красиво упакованный набор свойств, популярных и пользующих спросом на личном рынке. Что именно делает человека привлекательным – это зависит от моды данного времени, как физической, так и духовной. В двадцатые годы привлекательной считалась девушка пьющая и курящая, крепкая и сексуальная, а сегодня мода требует больше домовитости и скромности. В конце девятнадцатого и в начале двадцатого века мужчине, чтобы быть привлекательно «упакованным», нужно было обладать напористостью и честолюбием, сегодня он должен быть общительным и терпимым. Как бы там ни было, чувство влюбленности возникает обычно только к такому человеческому товару, который достигаем для влюбленного при его возможностях товарообмена. Я ищу своей выгоды: объект должен быть желанным с точки зрения социальной ценности, и в то же время должен желать меня, учитывая мои явные и скрытые достоинства и возможности. Два человека влюбляются тогда, когда чувствуют, что нашли наилучший объект, доступный для них на рынке в границах их собственной меновой ценности. Часто, как при покупке недвижимого имущества, заметную роль в этой сделке играют скрытые возможности, которые могут проявиться со временем. Едва ли стоит удивляться, что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же правилам обмена, которые управляют рынком товаров и рынком труда.

Третье заблуждение, ведущее к предположению, что в любви ничему не надо учиться, состоит в смешении первоначального переживания влюбленности с состоянием постоянства в любви, или, пожалуй, лучше сказать, состоянием пребывания в любви. Если два прежде чужих друг другу человека, какими все мы являемся, вдруг сумеют разрушить разделяющие их преграды, и почувствуют близость, почувствуют единство, то этот момент единения станет одним из самых радостных, самых волнующих жизненных переживаний. Тем более оно прекрасно и чудесно для людей, которые были прежде одиноки, лишены общения, лишены любви. Это чудо неожиданной близости случается зачастую с большей легкостью, если сопровождается физическим влечением и его удовлетворением, или с ним начинается. Однако такого рода любовь по самой своей природе недолговечна. Два человека все лучше узнают друг друга, их близость все

более и более утрачивает чудесный характер, пока, наконец, их антагонизм, их разочарование, их пресыщение друг другом не убьет то, что осталось от их первоначального возбуждения. Когда-то, в самом начале, они не знали всего этого; по сути, они приняли силу страстной влюбленности, «помешательства» друг на друге за доказательство силы их любви, хотя те состояния могли свидетельствовать лишь о степени их предшествующего одиночества.

Эта установка – что нет ничего легче, чем любить – продолжает оставаться преобладающей в отношении любви вопреки разительной очевидности обратного. Едва ли существует какая-то деятельность, какое-то занятие, которое начинается с таких огромных надежд и ожиданий и которое все же с такой неизменностью терпит крах, как любовь. Если бы это случалось с какой-либо иной деятельностью, люди сделали бы все возможное, чтобы понять причины неудачи и научиться действовать правильно – или отказались бы от этой деятельности. Поскольку последнее в отношении любви невозможно, то, по-видимому, единственный надлежащий способ избежать неудачи в любви – это исследовать причины этой неудачи и приступить к изучению смысла любви.

Первый шаг на этом пути – осознать, что любовь – это искусство, так же, как и жизнь – это искусство: если мы хотим научиться любить, то поступать нам следует так же, как мы бы поступали, если б захотели научиться любому другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству.

какие шаги необходимы в обучении любому искусству?

Процесс обучения искусству можно последовательно разделить на два этапа: первый – овладение теорией; второй – овладение практикой. Если я хочу научиться врачебному искусству, я должен сначала понять, что представляет собой человеческое тело, и что такое различные болезни. Но и обретая все эти теоретические знания, я еще ни в коей мере не буду вполне сведущим во врачебном искусстве. Я стану специалистом в этом искусстве только после длительной практики, когда, наконец, результаты моего теоретического знания и результаты моей практики сольются воедино – в моей интуиции, составляющей сущность совершенного владения любым искусством. Но помимо теории и практики есть третий фактор, необходимый для совершенного овладения любым искусством – такое овладение должно стать предметом наивысшего сосредоточения; ничто в мире не должно быть важнее, чем это искусство. Это относится к музыке, медицине, столярному искусству – а также к любви. И, быть может, именно здесь содержится ответ на вопрос, почему люди нашей культуры так редко пытаются научиться этому искусству, хотя их неудачи в нем очевидны; вопреки глубоко коренящейся жажде любви, почти все иное считается едва ли не более важным, чем любовь: успех, престиж, деньги, власть. Почти вся наша энергия уходит на обучение достижению этих целей, и почти никакой – на обучение искусству любви.

Может ли такое быть, чтоб достойными затраты сил на обучение считалось только то, при помощи чего можно заработать деньги или престиж, а любовь, приносящая пользу «только душе», но бесполезная в современном смысле слова, была роскошью, которой мы не вправе отдавать много энергии? Как бы то ни было, дальнейшее рассмотрение искусства любви будет следовать вышеупомянутому разделению: сначала я рассмотрю теорию любви – это займет большую часть книги; и затем я рассмотрю практику любви – насколько вкратце можно сказать о практике в этой, как и в любой другой области.

II. ТЕОРИЯ ЛЮБВИ

1. Любовь – ответ на проблему человеческого существования

Любая теория любви должна начинаться с теории человека, человеческого существования. Хотя мы обнаруживаем любовь, вернее, эквивалент любви, у животных, их привязанности являются, в основном, частью их инстинктивной природы; у человека же можно видеть в действии лишь остатки этих инстинктов. Что действительно составляет непреложный факт в существовании человека, так это его уход из животного царства, из сферы инстинктивной адаптации, выход за пределы природы – хотя он никогда не покидает ее; он – часть природы, и все же некогда оторвавшись от нее, он не может к ней вернуться; ему, некогда изгнанному из рая – состояния первоначального единства с природой – ангел с огненным мечом преградит путь, если он захочет вернуться. Человек может идти только вперед, развивая свой разум,

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org
находя новую гармонию, человеческую гармонию вместо дочеловеческой, которая безвозвратно утеряна.

Когда человек рождается – как весь человеческий род, так и отдельный индивид – он оказывается исторгнутым из ситуации, которая была вполне определенной, как определены инстинкты, в ситуацию, которая неопределенна, изменчива, открыта. Ясность существует только относительно прошлого – а относительно будущего ясно только то, что когда-нибудь да наступит смерть.

Человек одарен разумом, он есть сознающая себя жизнь, он осознает себя, своих ближних, свое прошлое и возможности своего будущего. Это осознание себя как отдельного существа, осознание краткости собственной жизни, осознание того, что не по своей воле рожден и вопреки своей воле умрешь, что можешь умереть раньше тех, кого любишь, или они умрут раньше, осознание собственного одиночества и отделенности, собственной беспомощности перед силами природы и общества – все это делает отделенное, разъединенное существование невыносимой тюрьмой. Человек обезумел бы, если б не мог освободиться из этой тюрьмы и установить контакт, объединиться в той или иной форме с людьми, с окружающим миром.

Переживание отделенности рождает тревогу; оно-то и есть источник всякой тревоги. Быть отделенным – значит быть отторгнутым, не имея никакой возможности употребить свои человеческие силы. Поэтому быть отделенным – значит быть беспомощным, неспособным активно влиять на мир – на вещи и на людей; это значит, что мир может нападать на меня, а я неспособен противостоять. Следовательно, отделенность – источник напряженной тревоги. Кроме того, она рождает стыд и чувство вины. Это переживание вины и стыда вследствие отделенности выражено в библейском рассказе об Адаме и Еве. После того, как Адам и Ева вкусили от «древа познания добра и зла», после того как они ослушались (нет добра и зла, пока нет свободы ослушаться), после того, как они стали людьми, высвободившись из первоначальной животной гармонии с природой, т. е. после их рождения в качестве людей, – они увидели, «что они нагие, и устыдились». Должны ли мы предположить, что миф, такой древний и простой как этот, несет в себе ханжескую мораль, свойственную девятнадцатому веку, и что важная мысль, которую эта история предназначена нам поведать, это их смущение при виде половых органов? Вряд ли это так. Понимая эту историю в викторианском духе, мы упустим главную ее мысль, которая, по-видимому, состоит в следующем: осознав самих себя и друг друга, мужчина и женщина осознали свою отделенность и свое различие вследствие принадлежности к разным полам. Но, поняв свою отделенность, они оставались чужими, потому что еще не научились любить друг друга (как это вполне понятно выражено тем фактом, что Адам защищал себя, обвиняя Еву, вместо того, чтобы пытаться ее защитить). Осознание человеческой отделенности, без воссоединения в любви, – это источник стыда. И это же – источник вины и тревоги.

Таким образом, глубочайшую потребность человека составляет потребность преодолеть свою отделенность, выйти из тюрьмы своего одиночества. Полная неспособность достичь этой цели означает безумие, потому что панический ужас перед полной изоляцией может быть преодолен только таким радикальным отказом от внешнего мира, при котором исчезает и чувство отделенности – потому внешний мир, от которого человек отделен, перестает существовать.

Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отделенность, как достичь единения, как выйти за пределы собственной индивидуальной жизни и обрести чувство общности. Это один и тот же вопрос для первобытного человека, живущего в пещерах, для кочевника, заботящегося о своих стадах, для египетского крестьянина, финикийского купца, римского солдата, средневекового монаха, японского самурая, современного клерка и фабричного рабочего. Вопрос остается тем же самым, потому что тем же самым остается его источник: человеческая ситуация, условия человеческого существования. А вот ответы различны. На этот вопрос можно ответить поклонением животным, человеческими жертвоприношениями или военным захватом, погружением в роскошь, аскетическим отречением, всепоглощающей работой, художественным творчеством, любовью к Богу, а также любовью к человеку. Хотя ответов много – свидетельством чего и является человеческая история – они, тем не менее, не бесчисленны. Напротив, если не брать в расчет малые различия, касающиеся скорее частных случаев, чем сути, то обнаруживается, что существует лишь ограниченное число ответов, которые были даны и только и могли быть даны человеком в различных культурах, в которых он жил. История религии и

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
философии это история этих ответов, их разнообразия и вместе с тем их ограниченной численности.

Ответ зависит в определенной степени от уровня индивидуального становления, достигнутого человеком. У младенца «я» развито еще очень слабо, он чувствует свое единство с матерью, не чувствуя отделенности, пока мать рядом. От чувства отделенности его оберегает физическое присутствие матери, ее груди, ее тела. А с той поры, как в ребенке развивается чувство своей отделенности и индивидуальности, ему уже становится недостаточно присутствия матери, и возникает потребность иным способом преодолеть отделенность.

Сходным образом и человеческий род в своем младенчестве еще чувствовал единство с природой. Земля, животные, деревья все еще составляли мир человека. Он отождествлял себя с животными, и это выражалось в ношении звериных масок, поклонении животному-тотему и животным-богам. Но чем более человеческий род порывал с этими первичными узами, чем более отделялся от мира природы, тем более напряженной становилась потребность найти новые способы избежать отделенности.

Один из способов достижения этой цели составляют все виды оргиастических состояний. Они могут принимать форму транса, в который человек вводит себя, порой с помощью наркотиков. Многие ритуалы первобытных племен представляют живую картину такого способа решения проблемы. В состоянии трансовой экзальтации внешний мир исчезает, а вместе с ним и чувство отделенности от него. Ввиду того, что эти ритуалы совершались сообща, добавлялось переживание слияния с группой, делающее этот способ решения еще более эффективным. С этим оргиастическим решением проблемы близко связано и часто смешивается сексуальное переживание. Половое удовлетворение может вызвать состояние, подобное произведенному трансом или действием определенных наркотиков. Обряды коллективных сексуальных оргий были частью многих первобытных ритуалов. Кажется, что после оргиастического переживания человек может некоторое время не испытывать сильного страдания от своей отделенности. Постепенно тревожное напряжение снова нарастает – и благодаря повторному исполнению ритуала опять спадает.

Пока эти оргиастические состояния входят в общую практику племени, они не порождают чувства тревоги или вины. Поступать так – правильно и даже добродетельно, потому что это путь, которым идут все, одобренный и поощряемый знахарями и жрецами; следовательно, нет причины чувствовать вину или стыд. Совсем другое дело, когда то же самое решение проблемы индивид избирает в культуре, расставшейся с этой общей практикой. Алкоголизм и наркомания – вот формы, которые индивид выбирает в неорганистической культуре. В противоположность тем, кто участвует в социально одобренном действию, такие индивиды страдают от чувства вины и угрызений совести. Хотя они пытаются избежать отделенности, ища прибежища в алкоголе или наркотиках, они чувствуют еще большее одиночество после того, как оргиастические переживания заканчиваются, и тогда вынуждены возвращаться к нему все чаще и интенсивнее. Сексуально-органистическое решение проблемы мало чем отличается от этого. В определенной мере – это естественная и нормальная форма преодоления отделенности, а также частичный ответ на проблему изоляции. Но для многих индивидов, чья отделенность не преодолима иными способами, стремление к сексуальному удовлетворению принимает такой характер, что становится почти неотличимым от алкоголизма и наркомании. Оно становится отчаянной попыткой избежать тревоги, порождаемой отделенностью, и ведет к еще большему увеличению чувства отделенности, поскольку половой акт без любви никогда не может соединить края пропасти, разделяющей двух людей. Разве что на краткий миг.

Все формы оргиастического единения характеризуются тремя чертами: они сильны, и даже неистовы; они захватывают человека целиком – и душу его, и тело; они преходящи и периодичны. Прямую противоположность им составляет форма единения, наиболее часто избираемая людьми в качестве решения проблемы как в прошлом, так и в настоящем: это единение, основанное на покорности группе, ее обычаям, практике и верованиям. Здесь мы опять же обнаруживаем значительные изменения.

В первобытном обществе группа мала, она состоит из тех, кто связан кровными узами и общностью родины. С развитием культуры группа увеличивается; она состоит из граждан полиса, граждан большого государства, членов церкви. Даже римлянин-бедняк испытывал чувство гордости, потому что мог сказать

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
«civis romanus sum» [1]. Рим и империя были его семьей, его домом, его миром. Также и в современном западном обществе единение с группой является преобладающим способом преодоления отделенности. Это единение, в котором индивидуальное «я» в значительной мере исчезает, и где цель состоит в том, чтобы слиться с толпой. Если я похож на любого другого, если у меня нет отличительных чувств или мыслей, если в привычках, одежде, идеях я следую групповым нормам, я спасен; спасен от ужасающего чувства одиночества. Для принуждения к покорности диктаторские системы используют угрозы и устрашение, а демократические страны – внушение и пропаганду. Правда, между двумя системами существует одно большое различие. В демократических странах непокорность возможна и, фактически, вовсе не отсутствует полностью; в тоталитарных же системах только от немногих редких героев и мучеников можно ожидать отказа от послушания. Но несмотря на это различие демократические общества демонстрируют поразительный уровень покорности. Причина здесь в том, что должен же иметься некий ответ на потребность в единении, и если нет другого, лучшего способа, то преобладающим становится единение в покорности группе. Только тот, кто понимает всю глубину потребности не быть одиноким, вполне может понять, как силен страх оказаться непохожим, страх хоть на несколько шагов отойти от группы. Иногда этот страх перед непокорностью объясняют страхом перед реальными опасностями, которые угрожают непокорному. Но, в действительности, люди в гораздо большей мере хотят быть покорными, чем вынуждены покоряться, по крайней мере, в западных демократиях. Большинство людей даже не осознают своей потребности в покорности. Они пребывают в иллюзии, что следуют собственным взглядам и склонностям, что они индивидуальны, что они приходят к своим мнениям в результате собственного размышления – и что попросту так уж случайно оказалось, что их взгляды схожи с взглядами большинства. Общее согласие служит доказательством правильности «их» взглядов. Поскольку все же существует потребность чувствовать некоторую индивидуальность, такая потребность удовлетворяется при помощи незначительных отличий: инициалы на сумке или свитере, табличка с именем банковского кассира, принадлежность к демократической или, напротив, к республиканской партии, к клубу Элкс, а не к клубу Шрайнерс становятся выражением индивидуальных отличий. Навязываемое рекламой клише «вот нечто необыкновенное» обращено к этой жалкой потребности в отличии, тогда как в действительности отличий почти нет.

Эта возрастающая тенденция к стиранию различий тесно связана с понятием и восприятием равенства, какое сложилось в наиболее индустриально развитых обществах. Равенство означало, в религиозном контексте, что все мы дети Бога, все мы несем в себе одну и ту же человеко-божескую сущность, все мы едины. Оно означало также, что должны уважаться всякие различия между индивидами, и хотя верно, что все мы составляем единство, также верно и то, что каждый из нас – уникальное существо, сам по себе – космос. Такая убежденность в уникальности индивида выражена, например, в утверждении Талмуда: «Кто спасет одну жизнь, это все равно, как если бы он спас весь мир; кто уничтожит одну жизнь – это все равно, как если бы он уничтожил весь мир». Равенство, как условие развития индивидуальности, было также одним из значимых понятий в философии западного Просвещения. Оно означало (будучи наиболее четко сформулировано Кантом), что никакой человек не должен быть средством для целей другого человека. Все люди равны, поскольку все они друг для друга – цели и только цели, и ни в коем случае – не средства. Следуя идеям Просвещения, социалистические мыслители разных школ определяли равенство как устранение эксплуатации, использования человека человеком, независимо от того, жестоко это использование или «человечно».

В современном капиталистическом обществе понятие равенства изменилось. Под равенством понимается равенство автоматов: людей, лишенных индивидуальности. Равенство сегодня означает скорее «одинаковость», чем «единство». Это одинаковость абстракций, людей, занятых одинаковыми работами, одинаково развлекающихся; читающих одинаковые газеты, одинаково чувствующих и одинаково думающих. При таком взгляде на вещи приходится с определенным скептицизмом смотреть на некоторые достижения, обычно восхваляемые, как знаки нашего прогресса – например, равенство женщин. Нет нужды говорить, что я не выступаю против равенства женщин; но положительный аспект этого стремления к равенству не должен вводить в заблуждение. Это часть общей тенденции к стиранию различий. Равенство покупается именно этой ценой: женщины становятся равными, потому что больше не отличаются от мужчин. Утверждение философии Просвещения *l'ame n'a pas de sexe* – душа не имеет пола – осуществилось на практике. Противоположность полов исчезает, а с ней и эротическая любовь, основанная на этой противоположности. Мужчина и женщина стали одинаковыми, а не равными, как противоположные полюса.

Современное общество проповедует этот идеал неиндивидуализированного равенства, потому что нуждается в одинаковых человеческих атомах, чтобы заставить их функционировать в массовом механизме исправно, без трений; чтоб все повиновались одним и тем же командам, и при этом каждый был убежден, что следует собственным желанием. Как современное массовое производство требует стандартизации изделий, так и социальный процесс требует стандартизации людей, и их стандартизация называется «равенством».

Единение посредством покорности не бывает сильным и неистовым. Оно происходит тихо, диктуется шаблоном и именно по этой причине часто оказывается недостаточным для усмирения тревоги одиночества. Случаи алкоголизма, наркомании, эротомании и самоубийств в современном западном обществе – это симптомы того, что покориться группе не вполне удалось. Более того, этот способ решения проблемы затрагивает, в основном, душу, а не тело, и потому не идет ни в какое сравнение с оргиастическими решениями. Групповая покорность обладает только одним достоинством: она стабильна, а не периодична. Индивиды начинают приучать к нормам покорности в возрасте трех-пяти лет, и впоследствии он уже никогда не утрачивает контакта с группой. Даже его похороны, которые он заранее предвидит как свое последнее значительное общественное дело, совершаются в строгом соответствии с принятыми нормами.

В дополнение к покорности, как способу избавления от порождаемой одиночеством тревоги, следует рассмотреть еще один фактор современной жизни: роль шаблона в работе и развлечениях. Человек становится, как говорят, «от девяти до пяти» – частью армии рабочих или бюрократической армии чиновников и управляющих. Ему предоставлено мало инициативы, его задачи предопределены процессом той или иной работы; различия малы даже между теми, кто наверху служебной лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предопределенные структурой процесса, с предопределенной скоростью и предопределенным способом. Даже чувства предопределены: бодрость, терпимость, надежность, честолюбие и способность без трений вступать в контакт с людьми. Развлечения тоже сходным образом заданы, хотя и не так жестко. Книжки выбираются книжными клубами, фильмы и зрелища – хозяевами театров и кинотеатров, ими же оплачиваются и навязываемые рекламные клише. Отдых тоже унифицирован: в воскресенье автомобильная прогулка, просмотр телевизионных передач, партия в карты, вечеринки. От рождения до смерти, от понедельника до понедельника, с утра до вечера – все проявления жизни подчинены шаблону и предрешены. Как может человек, захваченный в эту сеть шаблонов, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот, кому дан его единственный шанс прожить жизнь со всеми ее надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, с жадной любовью и ужасом перед небытием и одиночеством?

Третий путь обретения единения состоит в творческой деятельности, будь то деятельность художника или мастера. В любом виде творческой работы творческий человек соединяется со своим материалом, символизирующим внешний мир. Создает ли столяр стол, или золотых дел мастер – произведение ювелирного искусства, выращивает ли крестьянин зерно или рисует художник картину – во всех видах творческой работы создатель и его создание становятся чем-то единым, в процессе творчества человек вступает в союз с миром. Верно это, однако, только для созидательного труда, для труда, в котором я сам планирую, произвожу, вижу результат своей работы. В современном трудовом процессе служащего, рабочего на бесконечном конвейере мало что осталось от этого объединяющего свойства труда. Работник превращается в придаток машины или бюрократической организации. Он перестал быть самим собой – а значит не осталось возможности иного единения, помимо единения покорности.

Единение, достигаемое в созидательном труде, не межличностно; единение, достигаемое в оргиастическом слиянии, – преходяще; единение, достигаемое путем покорности, – всего лишь псевдоединение. Следовательно, они дают только частичные ответы на проблему существования. Полный ответ – в достижении межличностного единения, слияния с другим человеком, в любви.

Желание объединиться с другими людьми – это наиболее мощное из человеческих стремлений. Это самое основное влечение, это сила, которая заставляет держаться вместе представителей человеческого рода, клана, семьи, сообщества. Неспособность достичь такого объединения ведет к безумию или разрушению – разрушению себя или других. Без любви человечество не смогло бы просуществовать и дня. Однако, называя достижение межличностного

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
единения «любовью», мы сталкиваемся с серьезной трудностью. Объединения можно достигать различными способами, и их различия не менее значимы, чем то общее, что свойственно различным формам любви. Так стоит ли все это называть любовью? Или стоит сохранить слово «любовь» только в применении к особому виду единению, которое было идеальной ценностью во всех великих гуманистических религиях и философских системах последних четырех тысячелетий истории Запада и Востока?

Как и во всех затруднениях словесного обозначения, ответ может быть только произвольным. Важно понимать, какой вид единения мы имеем в виду, когда говорим о любви. Подразумеваем ли мы под любовью зрелый ответ на проблему существования, или говорим о тех незрелых формах любви, которые можно назвать симбиотическим союзом? На следующих страницах я буду называть любовью только первое. А начну обсуждение «любви» с последнего из двух обозначений.

Биологической моделью симбиотического союза служат отношения между беременной женщиной и плодом. Они – два существа, и в то же время пока – одно. Они живут «вместе» (*sym-biosis*), они нуждаются друг в друге. Плод – часть беременной женщины, все необходимое ему он получает от нее; она – его мир, она питает его, защищает, но и ее собственная жизнь обретает большую ценность благодаря ему. В психологическом же симбиотическом союзе два тела существуют независимо одно от другого, но две психики взаимосвязаны столь же неразрывно.

Пассивная форма симбиотического союза – это подчинение, или, если воспользоваться медицинским термином, – мазохизм. Мазохист избавляется от невыносимого чувства одиночества и отделенности, становясь частью другого человека, который направляет его, руководит им, защищает его, является, так сказать, его жизнью и его кислородом. Мазохист преувеличивает силу того, кому отдает себя в подчинение, будь то некий человек или некий бог; он – все, я – ничто, я – всего лишь часть его. Как часть, я – часть величия, силы, уверенности. Мазохисту не нужно принимать никаких решений, не нужно идти ни на какой риск; он никогда не бывает одинок – но не бывает и независим. У него нет собственной целостности, он еще даже не родился по-настоящему. Объект религиозного поклонения называют идолом; мазохистская любовь представляет собой светский вариант идолопоклонства, по сути своей совпадающий с религиозным отношением к идолу. Мазохистское отношение может сочетаться с физическим, сексуальным желанием; в этом случае в подчинении участвует не только душа человека, но и его тело. Мазохистским может быть подчинение судьбе, болезни, ритмической музыке, оргиастическому состоянию, производимому наркотиками или гипнотическим трансом – во всех этих случаях человек отказывается от своей целостности, делается орудием кого-то или чего-то вне себя самого; у него нет потребности решать проблему жизни посредством созидательной деятельности.

Активная форма симбиотического союза – это господство, или, если воспользоваться психологическим термином, употребляемым в паре с мазохизмом, – садизм. Садист хочет избавиться от своего одиночества и чувства социальной изоляции, превращая другого человека в часть самого себя. Он добавляет себе значимости и силы, соединяясь с другим человеком, который ему поклоняется.

Садист зависит от подчиненного человека так же, как и тот зависит от него; ни тот, ни другой не могут жить друг без друга. Разница лишь в том, что садист командует, эксплуатирует, причиняет боль, унижает, а мазохист подчиняется командам, эксплуатации, боли, унижению. В практическом смысле эта разница существенна, но в более глубинном эмоциональном смысле не так велика эта разница, как то общее, что их объединяет: соединение без целостности. Если это понять, то не удивляешься, обнаруживая, что некий человек ведет себя то по-садистски, то по-мазохистски, обычно по отношению к различным объектам. Гитлер вел себя в основном как садист по отношению к народу, но как мазохист – по отношению к судьбе, истории, «высшей силе» природы. Его конец – самоубийство на фоне полного разрушения – так же характерен, как и его мечта об успехе – полном господстве [2].

В противоположность симбиотическому союзу зрелая любовь это союз при условии сохранения собственной целостности, собственной индивидуальности. Любовь – это активная сила в человеке, сила, которая рушит преграды, отделяющие человека от его ближних; которая объединяет его с другими; любовь позволяет ему преодолеть чувство одиночества и отделенности; и при

этом дает возможность оставаться самим собой, сохранять свою целостность. Парадокс любви в том, что двое становятся одним и остаются при этом двумя существами.

Говоря, что любовь – это активность, мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в неоднозначности слова «активность». Под «активностью», в современном смысле слова, обычно понимают действия, которые посредством затраты энергии вносят изменения в существующую ситуацию. Следовательно, человека считают активным, если он занимается предпринимательством, изучает медицину, работает на конвейере, мастерит стол или занимается спортом. Общее во всех этих видах активности то, что они направлены на достижение внешней цели. Что здесь не принимается во внимание, так это мотивация активности. Возьмем в качестве примера человека, побуждаемого к непрерывной работе чувством глубокой тревожности и одиночеством, или побуждаемого честолюбием, или жадностью к деньгам. Во всех этих случаях человек – раб какого-либо душевного волнения, и его «активность» – это, на самом деле, «пассивность», потому что нечто вынуждает его действовать; он – страдалец, а не «деятель». Напротив, человек, спокойно сидящий и размышляющий без всякой иной цели помимо осознания себя и своего единства с миром, считается «пассивным», потому что он ничего не «делает». В действительности же, такое состояние сосредоточенного размышления – это и есть высшая активность, активность духа, возможная только при условии внутренней свободы и независимости. Первое понимание активности – современное понимание – подразумевает использование энергии на достижение внешних целей; другое понимание активности подразумевает использование человеком внутренних сил, независимо от того, приведет ли это к какому-либо внешнему изменению. Это второе понимание активности наиболее четко сформулировано Спинозой. Он разделяет душевные состояния на активные и пассивные, на «действия» и «страсти». В активном душевном состоянии человек свободен, он хозяин своего душевного состояния. В пассивном душевном состоянии человек чем-то вынуждаем, он объект побуждений, которые сам не осознает. Таким образом, Спиноза пришел к заключению, что добродетель и сила – это одно и то же [3]. Зависть, ревность, честолюбие, всяческая жадность – это страсти; любовь – это действие, проявление человеческой силы, которая может проявиться только в свободе – и никогда в принуждении.

Любовь – это активность, а не пассивное душевное состояние; полюбить – не значит «увлечься», а значит «быть готовым помочь». В самых общих чертах активный характер любви можно выразить таким определением: любить – значит главным образом давать, а не брать.

Что значит давать? Казалось бы, ответ на этот вопрос прост, в действительности же здесь много неясности и запутанности. Наиболее широко распространено неверное мнение, что давать – значит «отказаться» от чего-то, лишиться чего-то, пожертвовать чем-то. Именно так действие «давать» воспринимает человек, чей характер не развился выше уровня ориентации на получение, эксплуатацию, накопление. Тот, у кого рыночный характер, готов давать только в обмен на что-либо; давать же, ничего не получая взамен, для него значит – быть обманутым [4]. Для людей, у которых преобладает неплодотворная ориентация, давать – значит обеднять себя. Поэтому большинство индивидов этого типа отказываются давать. Некоторые возводят в добродетель понимание «давать» в смысле жертвовать. Они считают, что давать нужно именно потому, что давать – мучительно; добродетель этого действия для них заключается в самом акте принесения жертвы. Норма, что давать – лучше, чем брать, для них означает, что терпеть лишения – лучше, чем испытывать радость.

Для человека с плодотворным характером понятие «давать» имеет совершенно иное значение. Давать – это высшее проявление силы. Самим этим действием я проявляю свою энергию, свое богатство, свою мощь. Это ощущение могучей жизненной силы наполняет меня радостью [5]. Я чувствую себя переполненным энергией, способным на большие затраты сил, деятельным, и это мне радостно. Давать – более радостно, чем брать не потому, что это лишение, а потому, что в этом действии выражается моя жизнеспособность.

Нетрудно убедиться в истинности этого принципа, применяя его к различным конкретным явлениям. Самый простой пример – из области секса. Кульминация мужской сексуальной функции состоит в способности давать; мужчина отдает себя, свой половой орган, женщине. В момент оргазма он отдает ей свое семя. Он не может не отдавать, если он потентен. Если же не может отдавать, то он – импотент. У женщин этот процесс – не другой, но несколько более сложный.

Она тоже отдает себя, она открывает мужчине свое женское лоно; принимая – она отдает. Если она неспособна отдавать, а способна только принимать, – то она фригидна. В роли матери, а уже не любовницы, женщина вновь отдает себя. Она отдает себя развивающемуся в ее утробе ребенку, она отдает младенцу свое молоко, тепло своего тела. Ей было бы больно не отдавать.

В области материальных вещей давать означает быть богатым. Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает. Скряга, который тревожится о том, как бы чего не лишиться, в психологическом смысле – нищий, бедняк, независимо от того, как много он имеет. А всякий, кто в состоянии отдавать себя, – богат. Он чувствует себя человеком, способным дарить себя другим. Только тот, кто лишен самого необходимого для удовлетворения элементарных потребностей, не в состоянии наслаждаться тем, что может давать нечто материальное. Но повседневный опыт показывает, что понятие о минимуме потребностей столь же зависит от характера человека, сколь и от наличия у него имущества. Хорошо известно, что бедняки дают с большей готовностью, чем богачи. Однако бывает такая нищета, при которой уже невозможно давать, и она так унижительна не только потому, что сама по себе причиняет страдание, но еще и потому, что лишает бедняка наслаждения возможностью давать.

Наиболее важная область – не та, где отдают нечто материальное, а область человеческих отношений. Что один человек дает другому? Он отдает себя, самое драгоценное из того, что имеет, он дает свою жизнь. Это не обязательно означает, что он жертвует своей жизнью ради другого – но это означает, что он делится с ним тем, чем живет сам; он отдает ему свою радость, свой интерес, свое понимание, свое знание, свой юмор, свою печаль – все переживания и все проявления жизни, какие есть в нем самом. Тем самым, делясь своей жизнью, он обогащает другого человека, увеличивая в другом чувство жизнеспособности, он увеличивает и собственное чувство жизнеспособности. Он дает не для того, чтобы получить; давать – само по себе истинное удовольствие. Но, давая, он не может не пробудить что – то в другом человеке, и на то, что он пробудил, он получит ответную реакцию; давая, он непременно получает то, что дают ему в ответ. Давать – значит побуждать другого человека тоже дать, и тогда оба разделяют радость, которую внесли в жизнь друг друга. Давая, что-то порождает, и оба вовлеченных в это действие человека благодарны жизни за то, что в ней родилось для них обоих. Применительно к любви это означает, что любовь – сила, порождающая любовь, бессилие же – это неспособность порождать любовь. Эта мысль была прекрасно выражена Марксом. «Предположи теперь, – говорит он, – человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты можешь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли проявлением твоей действительной индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она – несчастье» [6].

Но не только в любви «давать» значит «получать». Учитель учится у своих учеников, актера вдохновляют его зрители, психоаналитика лечит его пациент – при условии, что они не воспринимают друг друга как объекты, а связаны друг с другом искренно и плодотворно.

Едва ли стоит подчеркивать, что способность любить, понимаемая как способность давать, зависит от развития характера человека. Она предполагает достижение высокого уровня плодотворной ориентации; при такой ориентации человек преодолевает зависимость, нарциссистское чувство собственного всемогущества, желание эксплуатировать других или желание накапливать, и обретает веру в собственные человеческие силы, смелость полагаться на самого себя в достижении своих целей. Чем более недостает человеку этих качеств, тем больше он боится отдавать себя – а значит любить.

Помимо такого свойства любви, как способность давать, ее активный характер очевиден и в том, что она всегда предполагает определенный набор свойств, общих всем формам любви. Это забота, ответственность, уважение и знание.

Что любовь предполагает заботу, это наиболее очевидно в любви матери к своему ребенку. Никакое заверение в ее любви не убедит нас, если мы увидим отсутствие у нее заботы о ребенке, если она пренебрегает его кормлением, купанием, необходимостью полностью его обиходить; но когда мы видим ее заботу о ребенке, то вполне верим в ее любовь. То же самое и с любовью к животным или цветам. Если женщина скажет нам, что любит цветы, а мы увидим, что она забывает их поливать, мы не поверим в ее «любовь» к цветам. Любовь – это активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим. Где нет активной заинтересованности, там нет любви. Это свойство любви прекрасно описано в притче об Ионе. Бог повелел Ионе отправиться в Ниневию предупредить ее жителей, что они будут наказаны, если не отвратятся от злых путей своих. Иона уклоняется от этой миссии, боясь, что люди Ниневии раскаются, и Бог простит их. Он – человек с сильным чувством порядка и закона, но лишенный любви. И вот при попытке к бегству он оказывается в чреве кита, символизирующего состояние изоляции и замкнутости, куда привели его недостаток любви и солидарности. Бог спасает Иону, и тот идет в Ниневию. Он проповедует жителям то, что Бог повелел ему, и случается именно то, чего он опасался. Люди Ниневии раскаиваются в своих грехах, исправляют пути свои, и бог прощает их и решает не разрушать город. Иона очень огорчен и расстроен; он хотел, чтобы свершилась «справедливость», а не милосердие. Наконец, он находит некоторое утешение в тени дерева, которое Бог произрастил, чтобы защитить Иону от солнца. Но когда по воле Бога дерево засохло, Иона впадает в уныние и гневно выражает Богу свое недовольство. Бог отвечает: «Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало: Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?» [7] Ответ Бога Ионе следует понимать символически. Бог показывает Ионе, что сущность любви – это «труд» ради чего-то и «взращивание» чего-то, что любовь и труд нераздельны. Любят то, ради чего трудятся, и трудятся ради того, что любят.

Забота и заинтересованность предполагают еще одно свойство любви: ответственность. Сегодня ответственность часто понимается как налагаемая обязанность, как нечто навязанное извне. Но ответственность в ее истинном смысле – это совершенно добровольное действие; это мой ответ на выраженные или невыраженные потребности другого человеческого существа. Быть «ответственным» значит быть способным и готовым «отвечать». Иона не чувствовал ответственности за жителей Ниневии. Он, подобно Каину, мог спросить: «Разве сторож я брату моему?». Любящий человек берет на себя ответственность. Жизнь его брата это дело не только брата, но и его собственное. Он чувствует ответственность за своих ближних так же, как и ответственность за самого себя. В случае матери и младенца эта ответственность касается, главным образом, ее заботы о его физических потребностях. В любви между взрослыми людьми она касается, главным образом, душевных потребностей другого человека.

Ответственность могла бы с легкостью вырождаться в подавление и собственничество, если бы не было третьего компонента любви: уважения. Уважение – это не страх и благоговение; оно означает в соответствии с корнем слова (*respicere* = смотреть на кого-либо) [8] способность видеть человека таким, каков он есть, осознавать его уникальную индивидуальность. Уважение означает заинтересованность в том, чтобы другой человек рос и развивался таким, каков он есть. Уважение, следовательно, предполагает отсутствие использования. Я хочу, чтобы любимый человек рос и развивался ради себя самого, собственным путем, а не для того, чтобы служить мне. Если я люблю другого человека, я чувствую единство с ним, причем именно с таким, каков он есть, а не с таким, каким он нужен мне в качестве средства для моих целей. Ясно, что уважение возможно, только если я сам достиг независимости; если могу обойтись без поддержки, без подавления и использования кого-то другого. Уважение существует только на основе свободы: «*l'amour est l'enfant de la liberte*» – как поется в старой французской песне, любовь – дитя свободы, и никогда – подавления.

Невозможно уважать человека, не зная его; забота и ответственность были бы слепы, если бы их не направляло знание. Знание было бы поверхностным, если бы к нему не побуждала заинтересованность. Есть много уровней знания; то знание, которое является свойством любви, не ограничивается поверхностным уровнем, а проникает в самую суть. Это возможно только тогда, когда я могу подняться над своими интересами и увидеть другого человека в его

собственной жизненной ситуации. Я могу знать, например, что человек раздражен, даже если он и не выражает это открыто; но я могу узнать его еще более глубоко; тогда я пойму, что он встревожен и обеспокоен; что он чувствует себя одиноким, виноватым. Поняв, что его раздражение – это проявление чего-то более глубокого, я увижу в нем встревоженного и обеспокоенного, то есть, страдающего человека, а не всего лишь раздраженного.

Знание имеет еще одно, притом более существенное, отношение к проблеме любви. Глубинная потребность соединиться с другим человеком, чтобы освободиться из темницы собственного одиночества, тесно связана с еще одним специфически человеческим желанием – желанием познать «тайну человека». Хотя жизнь уже и в самих ее биологических проявлениях есть чудо и тайна, человек, в своих характерно человеческих проявлениях, есть непостижимая тайна для себя самого – и для своего ближнего. Мы знаем себя, и все же, несмотря на все предпринятые нами усилия, не знаем себя. Мы знаем своего ближнего; и все же не знаем его, потому что мы – не вещь, и наш ближний – не вещь. Чем глубже мы погружаемся в глубины своего существа или чьего-либо существа, тем удаленнее от нас становится граница познания. И все же мы не можем не хотеть проникнуть в тайну человеческой души, в ту сокровеннейшую суть, которая и есть «человек».

Один, отчаянный, путь познать тайну – это путь полной власти над другим человеком; власти, которая заставляет его делать то, что мы хотим, чувствовать то, что мы хотим; думать то, что мы хотим; которая превратит его в вещь, нашу вещь, нашу собственность. Предельность такой попытки познания обнаруживается в крайностях садизма, в желании и способности причинять страдания человеческому существу; пытаться его, заставить выдать свою тайну в своих страданиях. Эта жажда проникнуть в тайну человека, в его, а, следовательно, и нашу собственную тайну, служит основным побудительным мотивом грубой и беспредельной жестокости и развратности. В лаконичной форме эта идея была выражена Исааком Бабелем. Он приводит слова солдата времен русской гражданской войны, который конем затоптал своего бывшего барина. «Стрельбой, – я так выскажу, – от человека только отделаться можно, ... стрельбой до души не дойдешь, где она у человека есть и как она показывается. Но я, бывает, себя не жалею, я, бывает, врага час топчу или более часу, мне желательно жизнь узнать, какая она у нас есть» [9].

Мы часто видим этот путь познания в его явной форме у детей. Ребенок разбирает и ломает какую-либо вещь, чтобы познать ее; или разделяется с живым существом, жестоко обрывает крылья бабочке, чтобы познать ее, разгадать ее тайну. Жестокостью как таковой движет нечто более глубинное: желание познать тайну вещей и жизни.

Другой путь познания «тайны» – это любовь. Любовь – активное проникновение в другого человека, при котором мое желание познания удовлетворяется путем единения. В состоянии единения я познаю тебя, познаю себя, познаю кого-то – а не «узнаю» что-то. Я познаю тем единственным способом, каким только и возможно для человека познание живого – путем переживания единения, а отнюдь не путем рассудочного познания. Садизм побуждает жаждой вызнать тайну, и если я – садист, то остаюсь таким же незнающим, каким был и прежде. Я разорвал другое существо на части, и все, чего я достиг, – это разрушил его. Любовь – единственный путь познания, который через единение дает мне то, чего я искал. Любя, отдавая себя, проникая вглубь другого человека, я нахожу себя, открываю себя, открываю нас обоих – открываю человека.

Страстное желание познать себя и своих ближних выражено в дельфийском призыве «Познай самого себя» [10]. Это главная движущая сила всей психологии. Но будучи желанием познать всего человека, его самую сокровенную тайну, оно никогда не может быть удовлетворено познанием обычного рода, познанием только посредством мысли. Даже узнай мы о себе в тысячу раз больше, мы не дошли бы до самой сути. Мы так же оставались бы загадкой для самих себя, как оставались бы загадкой для нас и наши ближние. Единственный путь полного познания – это полюбить: состояние любви ведет за пределы мысли, за пределы слов. Это смелое погружение в переживание единства. Однако познание путем мысли, т. е. психологическое познание, служит для любящего необходимым условием полного познания. Я должен познать другого человека и самого себя объективно, чтобы суметь увидеть его действительную сущность, или, вернее, преодолеть те иллюзии, тот

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org
иррационально искаженный образ, в каком он представлял мне. Только познавая человеческое существо объективно, могу я, любя, познать его глубочайшую сущность [11].

Проблема познания человека аналогична религиозной проблеме познания Бога. В традиционной западной теологии делалась попытка познать Бога мыслью, рассуждая о Боге. Предполагалось, я могу познать Бога своей мыслью. В мистицизме, который есть последовательный результат монотеизма (как я попытаюсь позднее показать), попытка познать Бога мыслью была отвергнута и заменена переживанием единения с Богом, в котором не оставалось больше места – и необходимости – для рассуждения о Боге.

Переживание единения – с человеком ли, или, в религиозном плане, с Богом, – отнюдь не иррационально. Напротив, это, как отмечал Альберт Швейцер, следствие реализма, наиболее смелое и радикальное его следствие. Оно основывается на нашем понимании принципиальных пределов, а не случайных ограничений нашего познания. Это понимание того, что мы никогда не «уразумеем полностью» тайну человека и вселенной, но все-таки можем обрести познание в состоянии любви. Психология как наука имеет свои пределы, и так же как логическим следствием теологии является мистицизм, конечным следствием психологии является любовь.

Забота, ответственность, уважение и знание взаимосвязаны. Это – совокупность установок, которые должны сложиться у зрелого человека; т. е., у человека, который развивает свои созидательные силы, который хочет иметь лишь то, что сам создал, который отказался от нарциссических мечтаний о всеведении и всемогуществе, обрел смирение, основанное на внутренней силе, какую может дать только истинно созидательная деятельность.

До сих пор я говорил о любви, как преодолении человеческого одиночества, осуществлении страстного желания единения. Но над всеобщей, экзистенциальной потребностью в единении возвышается более специфическая, биологическая потребность: желание единения мужского и женского полов. Идея этой поляризации с большой силой выражена в мифе о том, что изначально мужчина и женщина были одним существом, потом были разделены на две половинки, и с тех пор каждая мужская половинка ищет свою потерянную женскую половинку, чтобы опять с ней воссоединиться. (Та же идея изначально единства полов содержится в библейском рассказе о том, что Ева была создана из ребра Адама, хотя здесь, в патриархальном духе, женщина представлена существом второстепенным по отношению к мужчине.) Значение мифа вполне ясно. Половая поляризация заставляет человека искать единения особым путем – в соединении с человеком другого пола. Полярность между мужским и женским началом существует также внутри каждого мужчины и каждой женщины. Как физиологически каждый мужчина и женщина имеют противоположные половые гормоны, так двуполы они и в психологическом отношении. Они несут в себе начала, заставляющие принимать и проникать внутрь, начала материи и духа. Мужчина и женщина обретают внутреннее единство только в единении своего мужского и женского начал. Эта полярность составляет основу всякого созидания.

Полярность мужского и женского также является основой для межличностного созидания. Биологически это проявляется в том, что соединение спермы и яйцеклетки создает основу для рождения ребенка. Но и в чисто психической сфере дело обстоит не иначе; в любви между мужчиной и женщиной каждый из них рождается заново. (Гомосексуальное отклонение – это неспособность достичь единения с другим полом, и потому гомосексуалист страдает от непреодолимого одиночества; эта же беда постигает и гетеросексуала, неспособного любить).

Та же полярность мужского и женского начал существует и в природе; не только как нечто очевидное у животных и растений, но и в полярности двух основных функций – функции получения и функции проникновения вглубь. Это полярность земли и дождя, реки и океана, ночи и дня, тьмы и света, материи и духа. Эта идея прекрасно выражена великим исламским поэтом и мистиком Руми:

Не безответны любящих исканья,
Ведь тот, кто люб им, сам их тоже ищет.
Лишь молния любви ударит в сердце,
Как в сердце родственном тотчас зажжёт любовь.
Когда всем сердцем ты полюбишь Бога,

Поймешь немедля – Богом ты любим.
Рукоплескать одной рукой не сможешь,
Не обойтись без помощи другой.
То Божьей Мудрости установление,
Чтобы друг к другу мы влеклись любовью.
Всё в этом мире связано попарно,
В союзе вечном, неразъединимом.
Так Небо и Земля – как муж с женою,
Друг друга дополняют, сочетаясь.
Что Небо изольет – Земля впитает.
А в холода ей Небо шлёт тепло;
Что ни возьмет Земля, то возвращает Небу,
А Небо в свой черед опять вернет Земле.
Кружится Небо по своим орбитам,
Как муж в заботах о семейном благе.
Земля ж в трудах, как добрая хозяйка,
Дает рождение, кормит всех рожденных.
Чти Землю с Небом как наимудрейших,
Они творят свою работу мудро.
И наслаждаются взаимною любовью,
Зачем иначе б ластились друг к другу?
Смогли бы без Земли цвести деревья?
И не от Неба ли тепло и влага?
Как Бог в мужей и жен вложил желание,
Чтоб продолжалась жизнь от их союза,
Так Он внушил и каждой части мира
Желать слиянья с надлежащей частью.
День с Ночью кажутся врагами лишь по виду,
На деле ж оба служат общей цели,
В согласье ладном исполняя дело,
Назначенное равно им обоим.
Не получал бы человек без Ночи,
Тех благ, которые он тратит днем [12].

Проблема полярности женского и мужского начал требует дальнейшего рассмотрения темы любви и пола. Я уже говорил, что Фрейд ошибочно видел в любви исключительно выражение – или сублимацию – полового инстинкта, не осознавая, что половое желание это одно из проявлений потребности в любви и единении. Но заблуждение Фрейда лежит глубже. В соответствии со своим физиологическим материализмом он видел в половом инстинкте результат обусловленного химическими процессами напряжения, причиняющего телесную боль, от которой тело ищет избавления. Цель полового желания – устранить это болезненное напряжение; в достижении такого устранения и состоит половое удовлетворение. Этот взгляд обосновывается тем, что половое желание действует тем же способом, что и голод или жажда, когда организм не получает достаточно того, в чем нуждается. С этой точки зрения, половое желание – это некий зуд, а половое удовлетворение – это устранение этого зуда. По сути, если принять эту концепцию сексуальности, то идеалом полового удовлетворения была мастурбация. Фрейд, как это ни парадоксально, игнорировал психобиологический аспект сексуальности, полярность женского и мужского, и желание преодолеть эту полярность путем единения. Этому странному заблуждению, вероятно, способствовали крайне патриархальные взгляды Фрейда, которые побудили его считать, что сексуальность по сути своей свойственна мужскому полу, и, следовательно, заставили игнорировать специфически женскую сексуальность. Он выразил эту идею в работе ««Три очерка по теории сексуальности»», говоря, что либидо закономерно «по природе своей – мужское», независимо от того, встречается ли оно у мужчины или у женщины. Та же идея, в усовершенствованной форме, выражена в теории Фрейда, что маленький мальчик воспринимает женщину как кастрированного мужчину, и что сама она ищет различных компенсаций отсутствия у нее мужских гениталий. Но женщина – не кастрированный мужчина, и ее сексуальность – специфически женская, а не «по природе своей – мужская».

Сексуальное влечение между полами только отчасти мотивировано потребностью устранить напряжение; в основе же своей это потребность единения с другим полом. По сути, эротическое влечение выражается не только в половом влечении. Мужское и женское начала есть в характере так же, как и в половой функции. Мужской характер можно определить как обладающий способностью проникновения вглубь, руководства, активности, дисциплинированности и предприимчивости; женский же характер – как обладающий способностью плодотворного восприятия, опеки, реализма, стойкости, материнской заботливости. (Следует всегда иметь в виду, что в каждом индивиде обе

характеристики сочетаются, но с преобладанием тех черт, которые присущи «ее» или «его» полу»). Очень часто, если мужские черты характера у мужчины слабы из-за того, что эмоционально он остался ребенком, он будет стараться компенсировать этот недостаток, придавая особенное значение своей мужской роли в сексе. Пример тому – Дон Жуан, которому нужно было доказать свою мужскую доблесть в сексе, потому что он неуверен в своей мужественности в плане характера. При крайних формах недостаточности мужских черт основным – извращенным – заменителем мужественности становится садизм (использование силы). Если женская сексуальность ослаблена или извращена, она принимает форму мазохизма или собственничества.

Фрейд критиковали за преувеличение им значения секса. Эта критика часто была вызвана желанием устранить из системы Фрейда элемент, который возбуждал критическое и враждебное отношение людей с консервативными взглядами. Фрейд остро чувствовал эту мотивацию и именно потому отвергал любую попытку изменить свою теорию сексуальности. Действительно, во времена Фрейда его теория была вызовом и носила революционный характер. Но то, что было истинно для 1900 г., более не истинно 50 лет спустя. Сексуальные нравы изменились столь сильно, что теория Фрейда больше не шокирует средние классы Запада, и когда ортодоксальные аналитики сегодня все еще думают, что они смелы и радикальны, защищая фрейдовскую теорию сексуальности, это представляет какую-то донкихотскую разновидность радикализма. На самом деле, их направление психоанализа – конформистское, и оно даже не пытается поставить те психологические вопросы, которые повели бы к критике современного общества.

Моя критика теории Фрейда строится не на том, что он преувеличивал значение сексуальности, а на том, что сексуальность была понята им недостаточно глубоко. Он сделал первый шаг в открытии значения страстей в межличностных отношениях; в согласии со своими философскими предпосылками он объяснял их физиологически. Дальнейшее развитие психоанализа требует откорректировать и углубить фрейдовскую теорию, перенося внимание из физиологического измерения в биологическое и экзистенциальное [13].

2. Любовь между родителями и детьми

Ребенок в момент рождения испытывал бы страх смерти, если бы милостивая судьба не предохранила его от всякого осознания тревоги, связанной с отделением от матери и выходом из внутриутробного существования. Даже уже родившись, ребенок почти не отличается от того, кем он был до рождения; он не может узнавать предметы, осознавать себя, осознавать мир как нечто, существующее вне его. Он воспринимает только положительное действие тепла и пищи, и не отличает еще тепло и пищу от их источника – матери. Мать – это тепло, мать – это пища, мать – это эйфорическое состояние удовлетворения и безопасности. Такое состояние, если использовать термин Фрейда, это состояние нарциссизма. Внешняя действительность, люди и вещи, имеют значение лишь в той степени, в какой они удовлетворяют или не удовлетворяют внутреннее состояние тела. Реально лишь то, что внутри: все, что находится вовне, реально лишь в меру потребностей ребенка – а не в смысле собственных качеств или потребностей.

Когда ребенок растет и развивается, он становится способен воспринимать вещи такими, какие они есть; удовлетворение насыщением становится отличаемым от соска; грудь – от матери. Со временем ребенок начинает воспринимать жажду, утоляющее ее молоко, грудь и мать как различные сущности. Он научается воспринимать много других вещей как различные, имеющие собственное существование. С этой поры он учится давать им имена. В то же время он учится обращаться с ними; узнает, что огонь – горячий и причиняет боль, материнское тело – теплое и приятное, дерево – твердое и тяжелое, бумага – легкая и ее можно порвать. Он учится понимать поведение людей: мать улыбнется, когда я ем; возьмет меня на руки, когда я плачу; похвалит меня, когда я испражнусь. Все эти впечатления кристаллизуются и соединяются в одном переживании: я любим. Я любим, потому что я – ребенок своей матери. Я любим, потому что я беспомощен. Я любим, потому что я прекрасен, замечателен. Я любим, потому что я нужен матери. Обобщая все это в одной формуле: Я любим за то, что я есть. Или, может быть, еще точнее: Я любим, потому что я есть. Это переживание любви к матери – пассивное. Мне ничего не нужно делать для того, чтобы быть любимым – материнская любовь безусловна. Все, что от меня требуется, это быть – быть ее ребенком. Материнская любовь – это блаженство, это покой, ее не нужно добиваться, ее не нужно заслуживать. Но есть и отрицательная сторона в безусловной

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org
материнской любви. Ее не только не нужно заслуживать – ее еще и невозможно добиться, вызвать, ею невозможно управлять. Если она есть, то она равна блаженству; если же ее нет, это все равно как если бы все прекрасное ушло из жизни – и я ничего не могу сделать, чтобы вызвать эту любовь.

Для большинства детей в возрасте восьми с половиной – десяти лет [14] проблема почти исключительно в том, чтобы быть любимыми – быть любимыми за то, что они есть. До этого возраста ребенок еще не любит сам; он благодарно и радостно отвечает на любовь к нему. А с указанной поры в развитии ребенка появляется новый фактор: это новое чувство способности возбуждать любовь собственными усилиями. Впервые ребенок начинает думать о том, чтобы дать что-то матери (или отцу), что-то создать – стихотворение, рисунок или что-либо другое. Впервые в жизни ребенка идея любви переходит из желания быть любимым в желание любить, творить любовь. Много лет пройдет с этого первого шага до зрелой любви. Со временем, может быть, уже в юношеском возрасте, ребенок преодолевает свой эгоцентризм; другой человек перестает быть для него всего лишь средством для удовлетворения собственных потребностей. Потребности другого человека становятся так же важны, как и свои – и даже еще важнее. Давать становится приятнее, радостнее, чем получать; любить – важнее, чем быть любимым. Любовь выводит его из заточения одиночества и изоляции, которую создали состояния нарциссизма и сосредоточенности на себе. Он испытывает чувство нового единения, соучастия, единства. Более того, он чувствует способность возбуждать в других любовь своей любовью, а не зависит от получения, когда быть любимым значило быть маленьким, беспомощным, больным – или «хорошим». Детская любовь следует принципу: «Я люблю, потому что я любим». Зрелая любовь следует принципу: «Я любим, потому что я люблю». Незрелая любовь говорит: «Я люблю тебя, потому что ты мне нужен». Зрелая любовь говорит: «Ты мне нужен, потому что я тебя люблю».

С развитием способности любить тесно связано развитие объекта любви. В первые месяцы и годы самая сильная привязанность у ребенка это привязанность к матери. Она начинается до рождения, когда мать и ребенок составляют единое целое, хотя их двое. Рождение в некоторых отношениях изменяет ситуацию, но не столь сильно, как может казаться. Ребенок, хотя и живет уже не в утробе, все еще полностью зависит от матери. Но день за днем он становится все более независимым: он учится ходить, говорить, открывать для себя мир; связь с матерью несколько утрачивает свое жизненное значение, и все более важной становится связь с отцом.

Чтобы понять это переключение с матери на отца, нам нужно принять во внимание существенное качественное различие между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь по самой своей природе безусловна. Мать любит новорожденного младенца, потому что это ее дитя, а не потому что его появление удовлетворяет каким-то конкретным условиям или исполняет какие-то конкретные ожидания. (Говоря здесь о материнской и отцовской любви, я, конечно же, подразумеваю «идеальные типы» Макса Вебера [15], или «архетип» Юнга [16], – а не думаю, что каждые мать и отец любят именно так. Я имею в виду отцовское и материнское начало, представленные в личности матери и отца). Безусловная любовь дает ответ на одно из самых сильных желаний не только ребенка, но и каждого человеческого существа; а вот быть любимым из-за своих достоинств, из-за того, что заслуживаешь любви – это всегда связано с сомнениями: а вдруг я не нравлюсь тому, от кого хочу любви, а вдруг то, а вдруг это – всегда есть страх, что любовь может исчезнуть. К тому же «заслуженная» любовь бесспорно оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, а только потому, что приятен, что тебя, в конечном счете, и не любят вовсе, а используют. Неудивительно, что все мы, и будучи детьми, и будучи взрослыми, продолжаем сильно желать материнской любви. Большинство детей выпадает счастье получить достаточно материнской любви (в какой степени – это обсудим позднее). Взрослому же человеку намного труднее удовлетворить это сильное желание. При наиболее благоприятных условиях развития оно сохраняется как компонент нормальной эротической любви; часто оно находит выражение в религиозных, а еще чаще – в невротических формах.

Отношение к отцу совсем другое. Мать – это родной дом, родина, природа, почва, океан; отец же не являет собой никакой такой родины-природы. Он слабо связан с ребенком в первые годы его жизни, и значимость отца для ребенка в этот период не идет ни в какое сравнение со значимостью матери. Но хотя отец и не являет собой природный мир, он являет другой полюс человеческого существования: мир мысли, вещей, созданных человеческими руками, закона и порядка, дисциплины, путешествий и приключений. Отец –

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
тот, кто учит ребенка, кто указывает ему путь в мир.

С этой функцией тесно связана другая, касающаяся социально-экономического развития. Когда возникла частная собственность, и ее можно было передать по наследству одному из сыновей, отец стал возлагать надежды на такого сына, которому он мог бы оставить свою собственность. Естественно, им оказывался сын, которого отец считал наиболее подходящим наследником, сын, более всего похожий на него самого, и потому самый любимый. Отцовская любовь это любовь обусловленная. Ее принцип таков: «Я люблю тебя, потому что ты оправдываешь мои надежды, потому что ты исполняешь свой долг, потому что ты похож на меня». В обусловленной отцовской любви, как и в безусловной материнской, мы находим и отрицательную, и положительную стороны. Отрицательная сторона – в самом том факте, что отцовскую любовь нужно заслужить, ее можно потерять, если не делаешь то, что от тебя ждут. Сама природа отцовской любви такова, что послушание становится главной добродетелью, а непослушание – главным грехом, наказанием за который является утрата отцовской любви. Равно важна и положительная сторона. Поскольку отцовская любовь обусловлена, я могу как-то добиться ее, могу за нее бороться; отцовской любовью, в отличие от материнской, можно управлять.

Отношения матери и отца к ребенку соответствуют его потребностям. Младенец нуждается в материнской безусловной любви и заботе как физиологически, так и психически. Ребенок старше шести лет начинает нуждаться в отцовской любви, авторитете и руководстве отца. Функция матери – оберегать жизнь ребенка, функция отца – учить его, прививать умение справляться с теми задачами, которые ставит перед ребенком общество, в котором он родился. В идеальном случае материнская любовь не пытается препятствовать взрослению ребенка, не пытается поощрять его беспомощность. Мать должна иметь веру в жизнь, не должна быть слишком тревожной, чтобы не заражать ребенка своей тревогой. Ее жизненной обязанностью должно быть желание, чтобы ребенок стал независимым и со временем отделился от нее. Отцовская любовь должна направляться принципами и ожиданиями; она должна быть терпеливой и снисходительной, а не грозной и деспотической. Она должна давать растущему ребенку усиливающееся ощущение способности полагаться на себя самого, позволить ему со временем стать самому для себя авторитетом и освободиться от авторитета отца.

В конечном счете, для зрелого человека наступает этап, когда он сам себе становится и матерью и отцом. Он обретает, так сказать, материнское и отцовское сознание. Материнское сознание говорит: «Нет такого злодеяния, такого преступления, которое могло бы лишить тебя моей любви, моего желания видеть тебя живым и счастливым». Отцовское сознание говорит: «Ты поступил неправильно, ты не можешь избежать последствий своего дурного поступка, и ты должен прежде всего исправить свое поведение, если хочешь, чтобы я любил тебя». Зрелый человек освобождается от внешнего влияния личностей матери и отца, он строит их образы внутри себя. Однако, вопреки фрейдовскому понятию сверх-Я, он строит их, не воплощая в себе мать и отца, а строя материнское сознание на основе собственной способности любить, а отцовское сознание – на основе собственного разума и здравомыслия. К тому же, зрелый человек соединяет в своей любви материнское и отцовское сознание, несмотря на то, что они, кажется, противоположны друг другу. Обладай он только отцовским сознанием, он был бы грубым и бесчеловечным. Обладай он только материнским сознанием, он был бы склонен к утрате здравомыслия и мешал развиваться себе и другим.

Эта переориентация привязанности с матери на отца и окончательный их синтез закладывают основу для душевного здоровья и достижения зрелости. В недостаточности такого рода развития лежит основная причина неврозов. Хотя более полное рассмотрение этого направления мысли выходит за пределы данной книги, все же несколько кратких замечаний могут послужить прояснению высказанного утверждения.

Одну причину невротического развития можно обнаружить в том, что у мальчика любящая, но излишне снисходительная или властная мать и слабый, безразличный отец. В этом случае у него может закрепиться детская привязанности к матери, и он разовьется в человека, который зависит от матери, чувствует беспомощность, обладает выраженными чертами рецептивного характера, склонного подвергаться влиянию, быть опекаемым, нуждаться в заботе, а отцовских качеств – дисциплины, независимости, способности полагаться на самого себя – ему недостает. Он может стремиться найти «мать» в ком угодно, в женщинах ли, в мужчинах ли, обладающих авторитетом и

властью. Если же мать холодная, неотзывчивая, властная, он может либо перенести потребность в материнской защите на своего отца и впоследствии на тех, в ком будет воплощаться образ отца – в этом случае конечный результат схож с предыдущим; либо он разовьется в человека, односторонне ориентированного на отца, и будет полностью подчинен принципам закона, порядка и авторитета, лишенный способности надеяться на безусловную любовь и ее принимать. Развитие таких качеств усугубляется, если отец деспотичен и в то же время сильно привязан к сыну. Что характерно для всех видов невротического развития, так это недостаточность одного из начал – отцовского или материнского. А в случае более тяжелого невротического развития происходит смешение ролей матери и отца – их видят и в реальных людях, и в тех образах, какие сложились внутри сознания. Дальнейшее исследование может показать, что определенные типы невротозов, например, невротоз навязчивых состояний, развиваются чаще на основе односторонней привязанности к отцу, другие же, например, истерия, алкоголизм, неспособность самоутвердиться и реалистически смотреть на жизнь, а также депрессии проистекают из ориентированности на мать.

3. Объекты любви

Любовь, в основе своей, это не только отношение к какому-то конкретному человеку; это установка, ориентация характера, определяющая отношение человека к миру в целом, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен ко всем остальным людям, то его любовь – это не любовь, а симбиотическая привязанность или расширившийся эгоизм. Однако же большинство людей верят, что любовь зависит от объекта, а не от способности любить. Они даже верят, что не любя никого, кроме «любимого» человека, они тем самым доказывают силу своей любви. Это то же самое заблуждение, о котором уже упоминалось выше. Не понимая, что любовь это активность, сила духа, люди верят, что главное – найти подходящий объект, а дальше все сложится само собой. Эту установку можно сравнить с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того чтобы учиться этому искусству, заявляет, что ему просто нужно дождаться подходящего объекта, а уж когда он его найдет, то рисование пойдет великолепно. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, люблю мир, люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то «я люблю тебя», я должен быть способен сказать «в тебе я люблю всех, люблю благодаря тебе весь мир, люблю в тебе и себя самого».

Утверждение, что любовь – это установка, касающаяся всего, а не чего-то или кого-то одного, не означает, однако, что нет различия между разными типами любви, определяемыми тем или иным видом объекта, который любим.

а. Братская любовь

Основополагающий вид любви, составляющий основу всех типов любви, это братская любовь. Ее я понимаю как ответственность, заботу, уважение, знание другого человека, желание содействовать его жизни. Об этом виде любви идет речь в Библии, когда говорится: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Братская любовь это любовь ко всем людям; ее характеризует полное отсутствие предпочтения. Если я развил в себе способность любить, я не могу не любить своих братьев. В братской любви наличествует переживание единства со всеми людьми, человеческой солидарности, человеческого единения. Братская любовь основывается на чувстве, что все мы – одно. Различия в талантах, образовании, знании не принимаются в расчет, главное здесь – одинаковость человеческой сущности, общей всем людям. Чтобы испытать чувство одинаковости, необходимо проникнуть вглубь – от периферии к центру. Если я постиг другого человека лишь поверхностно, я постиг только различия, которые разделяют нас. Если я проник в суть, я постиг нашу одинаковость, факт нашего братства. Эта связь центра с центром – а не периферии с периферией – «центральная связь». Или, как это прекрасно выразила Симона Вейль: «Одни и те же слова (например, когда мужчина говорит своей жене: «я люблю тебя») могут быть банальными или оригинальными в зависимости от манеры их произнесения. А эта манера зависит от того, из какой глубины человеческого существа они исходят, воля здесь ни при чем. И благодаря чудесному согласию они достигают той же глубины в том человеке, кто слышит их. Таким образом, слушающий, если он обладает хоть какой-либо способностью различения, различит истинную ценность этих слов» [17].

Братская любовь это любовь между равными; но даже будучи равными, мы не всегда «равны»; как люди, мы все нуждаемся в помощи. Сегодня я, завтра ты.

Но потребность в помощи не означает, что одни беспомощен, а другой всемогущ. Беспомощность это временное состояние; способность обходиться собственными силами это постоянное и общее состояние.

И все же любовь к беспомощному человеку, любовь к бедному и чужому это начало братской любви. Нет достижения в том, чтобы любить того, кто плоть от плоти и кровь от крови твоей. Животные любят своих детенышей и заботятся о них. Беспомощный любит своего господина, так как от того зависит его жизнь, ребенок любит своих родителей, так как он нуждается в них. Любовь начинает проявляться, только когда мы любим тех, кого не можем использовать в своих целях. Примечательно, что в Ветхом завете центральный объект человеческой любви – бедняк, чужак, вдова и сирота, и, в конце концов, национальный враг – египтянин и эдомитянин. Испытывая сострадание к беспомощному существу, человек учится любить и своего брата; любя себя самого, он также любит того, кто нуждается в помощи, слабое, незащищенное человеческое существо. Сострадание включает элемент знания и идентификации. «Вы знаете душу чужого, – говорится в Ветхом завете [18], – потому что сами были чужаками в земле египетской, ... поэтому любите чужого!» [19]

б. Материнская любовь

Мы уже касались вопроса материнской любви в предыдущей главе, когда обсуждали разницу между материнской и отцовской любовью. Материнская любовь, как я уже говорил, это безусловное утверждение жизни ребенка и его потребностей. Но здесь нужно сделать одно важное дополнение к этому описанию. Утверждение жизни ребенка имеет два аспекта: один – это забота и ответственность, абсолютно необходимые для сохранения жизни ребенка и его развития. Другой аспект идет дальше простого сохранения жизни. Это установка, прививающая ребенку любовь к жизни, дающая ему почувствовать: хорошо быть живым, хорошо быть маленьким мальчиком или девочкой, хорошо быть на этой земле! Два этих аспекта материнской любви лаконично выражены в библейском рассказе о сотворении мира. Бог творит мир и человека. Это соответствует простой заботе и утверждению существования. Но Бог идет дальше этого минимального требования. Каждый день после сотворения природы – и человека – Бог говорит: «Это хорошо». Материнская любовь, на этой второй ступени, дает ребенку почувствовать: хорошо, что ты родился; она прививает ребенку любовь к жизни, а не только желание оставаться живым. Та же идея может быть выражена еще одним библейским символом. Земля обетованная (земля это всегда символ матери) описана как «обильная молоком и медом». Молоко это символ первого аспекта любви, заботы и утверждения. Мед символизирует сладость жизни, любовь к ней, и счастье быть живым. Большинство матерей способны дать «молоко», но лишь меньшинство дает также и «мед». Чтобы быть способной давать мед, мать должна быть не только хорошей матерью, но и счастливым человеком, а эта цель достигается немногими. Воздействие матери на ребенка едва ли можно переоценить. Материнская любовь к жизни так же заразительна, как и ее тревога. Обе установки имеют глубокое воздействие на всю личность ребенка: можно различить среди детей – и взрослых – тех, кто получил только «молоко», и тех, кто получил и «молоко», и «мед».

В противоположность братской и эротической любви, которые являются формами любви между равными, отношения матери и ребенка это по самой своей природе отношения неравенства, где один полностью нуждается в помощи, а другая дает ее. Из-за альтруистического, бескорыстного характера материнской любви ее считают высшим видом любви и самой священной из всех эмоциональных связей. Представляется все же, что действительным достижением материнской любви является не любовь матери к младенцу, а ее любовь к растущему ребенку. Действительно, подавляющее большинство матерей – любящие матери, пока ребенок мал и полностью зависит от них. Большинство матерей хотят детей, радуются новорожденному и погружены в заботу о нем. И это несмотря на то, что они ничего не получают от ребенка в ответ, кроме улыбки или выражения удовольствия на его лице. Эта установка на любовь отчасти коренится в инстинктивной природе, которую можно обнаружить как у самок животных, так и у женщин. Но наряду с важностью инстинктивного фактора существуют еще специфически человеческие психологические факторы, ответственные за этот тип материнской любви. Один из них может быть обнаружен в нарциссистском элементе материнской любви. Ввиду того, что ребенок воспринимается матерью как часть ее самой, любовь и слепое обожание могут быть удовлетворением ее нарциссизма. Другие мотивации могут быть обнаружены в материнском желании власти или собственности. Ребенок, существо беспомощное и полностью зависимое от ее воли, это естественный объект удовлетворения для женщины

Хотя эти мотивации встречаются часто, они, вероятно, все же менее важны и менее всеобщы, чем мотивация, которая может быть названа потребностью трансцендирования. Потребность в трансцендировании одна из основных потребностей человека, коренящаяся в его самосознании, в его неудовлетворенности своей ролью в сотворенном мире, в его нежелании воспринимать себя в качестве игровой кости, наугад брошенной из кубка. Ему необходимо чувствовать себя творцом, выйти за пределы пассивной роли сотворенного существа. Есть много способов достичь удовлетворения посредством творения; наиболее естественный и легкий путь такого достижения это материнская забота и любовь к ее творению. В ребенке мать выходит за свои пределы, ее любовь к нему придает значение и смысл ее собственной жизни. (В самой неспособности мужчины удовлетворить свою потребность в трансцендировании посредством рождения детей заключена его страстная потребность выйти за пределы себя путем творения вещей и идей).

Но ребенок должен расти. Он должен покинуть материнское лоно, оторваться от материнской груди, наконец, стать совершенно независимым человеческим существом. Сама сущность материнской любви – забота о развитии ребенка – предполагает желание, чтобы ребенок отделился от матери. В этом основное ее отличие от любви эротической. В эротической любви два человека, которые были разделены, становятся едины. В материнской любви два человека, которые были едины, становятся отделенными друг от друга. Мать должна не просто терпеть, а именно хотеть и поддерживать отделение ребенка. Именно на этой стадии материнская любовь превращается в трудную задачу, так как требует бескорыстности, способности отдавать все, не желая взамен ничего, кроме счастья любимого существа. Именно на этой стадии задача материнской любви оказывается для многих матерей непосильной. Нарциссистой, властной женщине с собственническим характером удается быть «любящей» матерью, пока ребенок мал. Но только по-настоящему любящая женщина, чье счастье скорее в том, чтобы отдавать, чем в том, чтобы брать, женщина, способная к самостоятельному существованию, может быть любящей матерью, когда ребенок отделяется от нее.

Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, ничего не желающая для себя, это, возможно, самый труднодостижимый вид любви, да к тому же и обманчивый вследствие той легкости, с какой матери дается любовь к своему младенцу. Но именно потому, что это трудно, женщина может стать действительно любящей матерью, только если она вообще способна любить; если она способна любить своего мужа, других детей, чужих людей, всех людей. Женщина, неспособная так любить, может быть нежной матерью, пока ребенок мал, но она не может быть такой любящей матерью, которая узнается по ее готовности перенести отделение ребенка – и даже после отделения продолжать любить его.

в. Эротическая любовь

Братская любовь – это любовь между равными; материнская любовь – это любовь к беспомощному существу. Как бы они ни отличались друг от друга, общее у них то, что они по своей природе не ограничиваются одним человеком. Если я люблю своего брата, я люблю всех своих братьев: если я люблю своего ребенка, я люблю всех своих детей; более того – я люблю всех детей, всех, кто нуждается в моей помощи. Противоположность обоим этим типам любви составляет эротическая любовь; она жаждет полного слияния, единства лишь с одним человеком. Она по самой своей природе исключительна, а не всеобща; к тому же, вероятно, это самая обманчивая форма любви.

Прежде всего, ее часто путают с бурным переживанием «влюбленности», внезапного крушения барьеров, существовавших до этого момента между двумя чужими людьми. Но, как было отмечено ранее, это переживание внезапной близости по самой своей природе кратковременно. После того, как чужой станет близким, больше не будет барьеров для преодоления, больше не будет достижения неожиданного сближения. «Любимый» человек становится так же хорошо понятен, как понятен ты сам себе. Или, может, лучше сказать – так же мало понятен. Если бы познание другого человека шло вглубь, если бы познавалась бесконечность его личности, то другого человека никогда нельзя было бы познать вполне – и чудо преодоления барьеров могло бы повторяться каждый день заново. Но у большинства людей познание собственной личности, так же как и познание других личностей, слишком поспешное, слишком быстро исчерпывается. Близость у них устанавливается, прежде всего, через половой

контакт. Поскольку они ощущают отделенность другого человека прежде всего как физическую отделенность, то физическое единение принимают за преодоление отделенности.

Кроме того существуют другие факторы, означающие для многих людей преодоление отделенности. Поговорить о собственной личной жизни, о собственных надеждах и тревогах, продемонстрировать свою детскость и ребячливость, найти общие интересы – все это воспринимается как преодоление отделенности. Даже проявление своего гнева, своей ненависти, своего полного отсутствия сдержанности – все это принимается за близость, и этим можно объяснить ту извращенную притягательность, какую часто испытывают друг к другу супруги, кажущиеся себе близкими только тогда, когда они бывают в постели или дают выход своей взаимной ненависти и ярости. Но все эти типы близости имеют тенденцию с течением времени все более ослабевать. В результате – поиски близости с новым человеком, с новым чужим. Опять чужой превращается в «близкого», опять напряженное и сильное переживание влюбленности, и опять она мало-помалу теряет свою силу и заканчивается желанием новой победы, новой любви – всегда при иллюзии, что новая любовь будет отличаться от прежних. Этим иллюзиям в значительной степени способствует обманчивый характер полового желания.

Половое желание требует слияния, а оно отнюдь не только инстинктивная физическая потребность избавиться от болезненного напряжения. Половое желание может возбуждаться как любовью, так и тревогой одиночества, жадной покорять и быть покоренным, тщеславием, побуждением причинить боль и даже уничтожить. По-видимому, половое желание может возбуждаться и легко сливаться с любой сильной эмоцией, лишь одной из которых является любовь. Из-за того, что половое желание в понимании большинства людей соединено с идеей любви, они легко впадают в заблуждение, что они любят друг друга, когда их физически влечет друг к другу. Когда желание полового слияния вызвано любовью, то физическая близость лишена жадности, потребности покорять или быть покоренным, но полна нежности. Если желание физического соединения вызвано не любовью, если эротическая любовь не является также и братской любовью, это никогда не поведет к единству более прочному, чем оргиастическое преходящее единение. Половое влечение создает на краткий миг иллюзию единства, однако без любви это «единство» оставляет чужих такими же чужими друг другу, какими они были прежде, – а порой оно заставляет их стыдиться и даже ненавидеть друг друга, потому что, когда иллюзия исчезает, они ощущают свою отчужденность еще сильнее, чем прежде. Нежность не означает, как думал Фрейд, сублимацию полового инстинкта; она – прямой результат братской любви, и присутствует как в физической, так и в нефизической формах любви.

В эротической любви есть предпочтительность, отсутствующая в братской и материнской любви. Этот предпочтительный характер эротической любви требует дальнейшего рассмотрения. Часто предпочтительность эротической любви неверно интерпретируется как одержимая привязанность. Нередко можно встретить двух людей, «влюбленных» друг в друга и не испытывающих любви больше ни к кому. На самом деле их любовь это эгоизм *a deux* [20]; каждый из этих двух людей отождествляет себя с другим и решает проблему отделенности, распространяя собственную индивидуальность на другого. Они достигают чувства преодоления одиночества, однако, будучи отделены от всего остального человечества, они остаются отделенными и друг от друга, и каждый из них отчужден от самого себя; их ощущение единства – это иллюзия. В эротической любви есть предпочтение, но в другом человеке она любит все человечество, всех живущих. Она предпочтительна лишь в том смысле, что человек может соединить себя целиком и полностью только с одним человеком. Эротическая любовь исключает любовь к другим только в смысле эротического слияния, полного соединения во всех аспектах жизни – но не в смысле глубокой братской любви.

Эротическая любовь, как любовь, имеет одну предпосылку: я люблю из самой глубины моего существа – и воспринимаю в другом глубинную суть его или ее существа. В сущности, все человеческие существа тождественны. Мы все часть Единства, мы – Единство. А раз так, то не все ли равно, кого любить? Любовь должна быть по сути актом воли, решения полностью связать свою жизнь с жизнью другого человека. На этом и строится рациональное обоснование идеи нерасторжимости брака, как и обоснование многих форм традиционного брака, в котором два партнера никогда сами не выбирают друг друга, за них выбирают другие – и, однако же, ожидается, что они будут друг друга любить. В современной западной культуре эта идея представляется совершенно ошибочной.

Любовь понимается как результат спонтанной, эмоциональной реакции, внезапно возникшего непреодолимого чувства. С этой точки зрения, важны только характерные особенности двух захваченных порывом индивидов – а не факт, что все мужчины – часть Адама, а все женщины – часть Евы. Не учитывается такой важный фактор эротической любви, как воля. Любовь к кому-либо это не просто сильное чувство, – это решение, это разумный выбор, это обещание. Если бы любовь была только чувством, то не было бы основания обещать любить друг друга вечно. Чувство приходит и уходит. Как я могу знать, что оно останется навечно, если мое действие не включает разумного выбора и решения?

Принимая во внимание все эти точки зрения, можно было бы прийти к заключению, что любовь это исключительно акт воли и решимости, и потому совершенно безразлично, каков каждый из двоих. Устроен ли брак другими или он результат индивидуального выбора, раз этот брак заключен, акт воли должен гарантировать продолжение любви. Такой взгляд, как представляется, не учитывает парадоксального характера человеческой природы и эротической любви. Мы все – Единство, и все же каждый из нас – уникальное неповторимое существо. В наших отношениях с другими повторяется тот же парадокс. Так как все мы – одно и то же, мы можем любить каждого человека одной и той же братской любовью. Но ввиду того, что все мы еще и различны, эротическая любовь требует определенных особенных, в высшей степени индивидуальных элементов, которые наличествуют у отдельных людей, но не у всех.

Обе точки зрения – и та, что эротическая любовь это целиком и полностью уникальное индивидуальное влечение двух конкретных людей, и другая, что эротическая любовь не что иное как акт воли, – верны; или, по правде говоря, – неверна ни та, ни другая. Следовательно, идея, что отношения могут быть легко расторгнуты, если не дают счастья одной из сторон, ошибочна в той же мере, что и идея нерасторжимости отношений ни при каких обстоятельствах.

г. любовь к себе [21]

Хотя не вызывает возражения применение понятия любви к различным объектам, широко распространено мнение, что любить других людей – добродетельно, а любить себя – грешно. Считается, что любя себя, человек преуменьшает свою любовь к другим людям, что любовь к себе это то же, что эгоизм. Этот взгляд имеет давнюю историю в западной мысли. Кальвин говорил о любви к себе как о «чуме» [22]. Фрейд говорил о любви к себе в психиатрических терминах, однако, смысл его суждения тот же, что и у Кальвина. Для него любовь к себе это то же, что и нарциссизм, обращение либидо на самого себя. Нарциссизм являет собой раннюю стадию человеческого развития, и человек, который в позднейшей жизни возвращается к нарциссистской стадии, неспособен любить; крайние проявления ведут к безумию. Фрейд утверждал, что любовь это проявление либидо, и что либидо направленное на других людей – это любовь, а направленное на себя – это любовь к себе. Следовательно, любовь и любовь к себе взаимно исключаются в том смысле, что чем больше первая, тем меньше вторая. Если любить себя – плохо, то отсюда следует, что не любить себя – добродетельно.

Возникают такие вопросы. Подтверждает ли психологическое исследование тезис, что есть принципиальное противоречие между любовью к себе и любовью к другим людям? Любовь к себе это тот же феномен, что и эгоизм, или они противоположны? Далее, действительно ли эгоизм современного человека это интерес к себе как к индивидуальности, со всеми своими интеллектуальными, эмоциональными и чувственными возможностями? Не стал ли человек придатком своей социо-экономической роли? Тожественны ли эгоизм и любовь к себе или эгоизм является следствием ее отсутствия?

Прежде чем начать обсуждение психологического аспекта эгоизма и любви к себе, следует подчеркнуть наличие логической ошибки в определении, что любовь к другим и любовь к себе взаимно исключают друг друга. Если добродетельно – любить своего ближнего, как человеческое существо, то должно быть добродетельно – а не пороком – любить и себя, как я тоже человеческое существо. Нет такого понятия человека, в которое не был бы включен и я сам. Доктрина, которая провозглашает такое исключение, доказывает, что она сама внутренне противоречива. Идея, выраженная в библейском «возлюби ближнего как самого себя», подразумевает, что уважение к собственной целостности и уникальности, любовь к самому себе и понимание себя не могут быть отделены от уважения, понимания и любви к другому индивиду. Любовь к своему собственному «я» нераздельно связана с любовью к

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
любому другому существу.

Теперь мы подошли к основным психологическим предпосылкам, на которых построены выводы нашего рассуждения. В основном эти предпосылки таковы: не только другие, но и мы сами являемся объектами наших чувств и установок; установки по отношению к другим и по отношению к самим себе не только далеки от противоречия, но в основе своей связаны. В плане обсуждаемой проблемы это означает: любовь к другим и любовь к себе не составляют альтернативы. Напротив, установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других. Любовь, в принципе, неделима в качестве связи между «объектами» и собственным «я». Настоящая любовь это выражение плодотворности и она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание. Это не аффект, не подверженность чьему-то воздействию, а активные усилия ради развития и счастья любимого человека, направляемые самой способностью любить.

Любовь к кому-то это осуществление и сосредоточение силы любви. Основной заряд, содержащийся в любви, направлен на любимого человека как на воплощение существеннейших человеческих качеств. Любовь к одному человеку предполагает любовь к человеку как таковому. Такое «разделение труда»; как называл это Уильям Джеймс, при котором человек любит свою семью, но не испытывает никакого чувства к «чужому», означает принципиальную неспособность любить. Любовь к людям является не следствием, как часто полагают, а предпосылкой любви к определенному человеку, хотя в плане развития она обретается в любви к определенным людям.

Из этого следует, что мое собственное «я» должно быть таким же объектом моей любви, как и другой человек. Утверждение моей собственной жизни; счастья, развития, свободы коренится в моей собственной способности любить, т. е. в заботе, уважении, ответственности и знании. Если человек в состоянии любить плодотворно, он любит также и себя; если он любит только других, он не может любить вообще.

Считая, что любовь к себе и любовь к другим в принципе связаны, как мы объясним эгоизм, который явно исключает всякий истинный интерес к другим? Эгоистичный человек интересуется только собой, желает всего только для себя, чувствует удовлетворение не тогда, когда отдает, а тогда, когда берет. На внешний мир он смотрит только с позиции того; что он может получить от него; отсутствует интерес к потребностям других людей и уважение к их достоинству и целостности. Он не может видеть ничего, кроме самого себя; всё и вся он оценивает по мерке полезности ему; он в принципе не способен любить. Не доказывает ли это, что интерес к другим и интерес к самому себе неизбежно альтернативны? Это было бы так, если бы эгоизм и любовь к себе были тождественны. Но такое предположение как раз и является тем заблуждением, какое привело к столь многим ошибочным заключениям по поводу нашей проблемы. Эгоизм и любовь к себе, ни в коей мере не будучи тождественны, являются прямыми противоположностями. Эгоистичный человек любит себя не слишком сильно, а слишком слабо, в действительности же он себя ненавидит. Отсутствие нежности и заботы о себе, которые составляют только частное выражение отсутствия плодотворности, оставляет его опустошенным и фрустрированным. Он неизбежно несчастен и тревожно силится урвать у жизни удовольствия, получению которых сам же и препятствует. Кажется, что он слишком много заботится о себе, но, в действительности, он только делает безуспешные попытки скрыть и компенсировать свое неумение заботиться о собственном «я». Фрейд придерживается мнения, что эгоист является нарциссистом, будто бы отказавшим другим людям в своей любви и направившим ее на собственную особу. Это правда, что эгоистичные люди неспособны любить других, но они неспособны любить и самих себя.

Легче понять эгоизм, сравнивая его с ревностным интересом к другим людям, какой мы находим, например, у чрезмерно заботливой матери. Хотя она искренне убеждена, что очень нежна со своим ребенком, в действительности, она имеет глубоко подавленную враждебность к объекту ее интереса. Ее интерес чрезмерен не потому, что она слишком любит ребенка, а потому, что она вынуждена компенсировать отсутствие у нее способности вообще любить его.

Эта теория природы эгоизма рождена психоаналитическим опытом изучения невротического «отсутствия эгоизма», симптомом невроза, наблюдаемого у немалого числа людей, которые обычно обеспокоены не самим этим симптомом, а другими, связанными с ним, – депрессией, утомляемостью, неспособностью

работать, неудачей в любовных взаимоотношениях и тому подобное. Это «отсутствии» эгоизма» не только не воспринимается как «симптом», но часто кажется подкупающей чертой характера, которой такие люди даже гордятся. «Лишенный эгоизма» человек «ничего не желает для себя», он «живет только для других», гордится тем, что не считается с собой. Его озадачивает, что, вопреки своей неэгоистичности, он несчастен и его отношения с самыми близкими людьми не складываются. Анализ показывает, что отсутствие эгоизма не является чем-то, существующим независимо от других его симптомов, а это один из них, и зачастую – самый главный симптом; у него парализована способность любить или наслаждаться чем-то, он проникнут враждебностью к жизни и за фасадом неэгоистичности скрыт едва различимый, но от этого не менее сильный эгоцентризм. Такого человека можно вылечить, только если его неэгоистичность будет признана болезненным симптомом в ряду других симптомов, и будет устранена недостаточность у него плодотворности, являющаяся причиной как его неэгоистичности, так и других затруднений.

Природа неэгоистичности становится особенно очевидной в ее воздействии на других, и наиболее часто в нашей культуре – в воздействии «неэгоистичной» матери на своего ребенка. Она верит, что благодаря ее неэгоистичности дети узнают, что значит быть любимыми, и научатся у нее, что значит любить. Результат ее неэгоистичности, однако, совсем не соответствует ее ожиданиям. В детях не обнаруживается счастья людей, убежденных в том, что они любимы; они тревожны, напряжены, боятся материнского неодобрения и страшатся не оправдать ее ожиданий. Обычно дети находятся под воздействием скрытой материнской враждебности к жизни, которую они скорее чувствуют, чем ясно осознают, и со временем они сами проникаются этой враждебностью. В целом, воздействие «неэгоистичной» матери не слишком отличается от воздействия матери-эгоистки; а на деле оно зачастую даже хуже, потому что материнская неэгоистичность удерживает детей от критического отношения к матери. На них лежит обязанность не разочаровать ее; под маской добродетели их учат нелюбви к жизни. Если бы кто-то взялся изучать воздействие матери, по-настоящему любящей себя, он увидел бы, что нет ничего более способствующего привитию ребенку опыта любви, радости и счастья, чем любовь к нему матери, которая любит себя.

Эти идеи любви к себе нельзя суммировать лучше, чем цитируя на эту тему Мейстера Экхарта: «Если ты любишь себя, ты любишь каждого человека так же, как и себя. Если же ты любишь другого человека меньше, чем себя, значит, ты не умеешь любить себя, но если ты любишь всех в равной мере, включая и себя, ты будешь любить их как одну личность, и личность эта есть и Бог и человек. Следовательно, тот – великая и праведная личность, кто, любя себя, любит всех других одинаково» [23].

д. Любовь к Богу

Выше утверждалось, что основу нашей потребности в любви составляет чувство отделенности и вытекающая отсюда потребность преодолеть тревогу отделенности благодаря чувству единства. Религиозная форма любви, которую называют любовью к Богу, в психологическом смысле не является чем-то иным. Она тоже берет начало в потребности преодолеть отделенность и достичь единства. Действительно, любовь к Богу имеет так же много различных свойств и аспектов, как и любовь к человеку, и в значительной мере мы находим здесь те же различия.

Во всех теистических религиях, будь то политеистические или монотеистические религии, Бог означает высшую ценность, самое желанное благо. Следовательно, то или иное значение Бога зависит от того, что составляет наиболее желанное благо для человека. Уяснение понятия Бога должно поэтому начинаться с анализа структуры характера человека, который поклоняется Богу.

Развитие рода человеческого, насколько мы имеем какое-то знание об этом, можно охарактеризовать как отрыв человека от природы, от матери, от уз крови и почвы. В начале человеческой истории человек, уже будучи лишен первоначального единства с природой, все еще пытается удержать эти первоначальные связи. Он ищет безопасности, обращаясь к прошлому, или цепляясь за эти первоначальные связи. Он все еще чувствует тождество с миром животных и растений и пытается сохранить единство с миром природы. Многие первобытные религии свидетельствуют об этой стадии развития. Животное превращается в тотем; в наиболее торжественных религиозных действиях и во время войны надевают маски животных, животному поклоняются

как Богу. На более поздней стадии развития, когда человеческое умение уже развилось до уровня ремесла и искусства, когда человек более не зависит исключительно от даров природы – плодов, которые он находит, и животных, которых он убивает, – человек превращает в божество изделие собственных рук. Это стадия поклонения идолам, сделанным из глины, дерева или золота. Человек проецирует собственные силы и умения на сделанные им вещи, и так, в отчужденной форме, поклоняется собственному героизму, тому, чем он сам обладает. На еще более поздней стадии человек придает своим богам облик человеческих существ. Вероятно, это могло произойти только тогда, когда он стал больше осознавать себя и когда он открыл себя как высшую и достойнейшую «вещь» в мире. В этой фазе поклонения антропоморфному божеству мы обнаруживаем развитие в двух направлениях. Одно имеет дело с женской или мужской природой божества, второе – с уровнем достигнутой человеком зрелости, который определяет природу его божеств и природу его любви к ним.

Сначала поговорим о развитии от религий, сфокусированных на матери, к религиям, сфокусированным на отце. Согласно большим и решающим открытиям Бахофена и Моргана в середине XIX в. и, вопреки отрицанию полученных ими данных академическими кругами, вряд ли можно сомневаться, что существовала матриархальная фаза религии, предшествовавшая патриархальной, по крайней мере, во многих культурах. В матриархальной фазе высшим существом была мать. Она – богиня, она также власть в семье и в обществе. Чтобы понять сущность матриархальной религии, нам достаточно вспомнить, что было сказано о сущности материнской любви. Материнская любовь безусловна, она покровительствует всем, она всеобъемлюща; поскольку она безусловна, ее невозможно управлять и ее невозможно добиться. Тому, кто любим, она дает чувство блаженства; ее отсутствие вызывает чувство потерянности и отчаяния. Так как мать любит своих детей потому, что они ее дети, а не потому, что они «хорошие», послушные или исполняют ее желания и приказания, то материнская любовь основана на равенстве. Все люди равны, потому что все они – дети матери, все они – дети Матери-Земли.

Следующая стадия человеческой эволюции, единственная, о которой мы уже имеем достоверное знание и не вынуждены доверяться предположениям и реконструкциям, это патриархальная фаза. В этой фазе мать утрачивает свое высшее положение, и Высшим существом становится отец, как в религии, так и в обществе. Природа отцовской любви такова, что отец выдвигает требования, устанавливает принципы и законы, и его любовь к сыну зависит от послушания сына этим требованиям. Отец сильнее всего любит того сына, который наиболее на него похож, наиболее послушен и наиболее подходит для того, чтобы стать его преемником и унаследовать его собственность. (Развитию патриархального общества сопутствовало развитие частной собственности). Вследствие этого патриархальное общество иерархично; на смену равенству между братьями приходит соперничество и взаимная борьба. В индийской, египетской или греческой культурах, в иудео-христианской или исламской религиях, везде нам предстает патриархальный мир, с его мужскими божествами, над которыми господствует один верховный бог, или где все боги устранены за исключением Единственного, этого Бога. Однако поскольку желание материнской любви нельзя искоренить из человеческого сердца, неудивительно, что образ любящей матери никогда не был полностью исключен из пантеона. В иудейской религии материнский аспект Бога вновь вводится, в частности, в различных течениях мистицизма. В католической религии символом Матери служит Церковь и Дева-Богородица. Даже протестантизм образ Матери не был полностью искоренен, хотя она и остается скрытой. Лютер установил в качестве своего основного принципа, что, что никакими делами человек не может добиться любви Бога. Любовь Бога это милость, и религиозная установка состоит в том, чтобы верить в эту милость и пребывать слабым и беспомощным; никакие благие дела не могут повлиять на Бога – или заставить Бога любить нас, как постулирует католическая доктрина. Мы можем признать, что католическая доктрина добрых дел является частью патриархальной картины: я могу добиться любви отца послушанием и исполнением его приказаний. Лютеранская же доктрина, вопреки своему декларируемому патриархальному характеру, несет в себе скрытый матриархальный элемент. Материнской любви невозможно добиться: она или есть, или нет; все, что я могу, это верить (как говорит Псалмопевец: «Ты вложил в меня упование у груди матери моей») [24] и превратиться в беспомощное, бессильное дитя. Но особенность веры Лютера состоит в том, что образ матери исключен из декларируемой картины и заменен образом отца; вместо уверенности, даваемой материнской любовью, ее главной чертой становится напряженное сомнение, надежда и упование на безусловную любовь отца.

Я должен был рассмотреть различие между матриархальными и патриархальными элементами в религии, чтобы показать, что характер любви к Богу зависит от соответствующей доли матриархальных и патриархальных аспектов религии. Патриархальный аспект заставляет меня любить Бога как отца; я признаю, что он справедлив и суров, что он карает и награждает, и что он в конечном счете изберет меня как своего возлюбленного сына, как Бог избрал Авраама-Израиля, как Исаак избрал Иакова, как Бог избирает свой избранный народ. В матриархальном аспекте религии я люблю Бога как всеприемлущую мать, я верю в ее любовь, в то, что пусть даже я беден и бессилён, пусть даже я согрешил, она будет любить меня, она не предпочтет мне никого другого из ее детей; что бы ни случилось со мной, она уберезет меня, спасет меня, простит меня. Нет нужды говорить, что моя любовь к Богу и любовь Бога ко мне нераздельны. Если Бог – это отец, он любит меня как сына, а я люблю его как отца. Если Бог – мать, ее и моя любовь определяется этим.

Различие между материнским и отцовским аспектами любви к Богу является, однако, только одним фактором, определяющим природу этой любви; другой фактор – это уровень зрелости, достигнутой индивидом, и в его понятия о Боге и в его любви к Богу.

С тех пор, как эволюция рода человеческого изменила структуру общества, а также религии, с матерински-центрированной на отцовски-центрированную, мы можем проследить развитие созревания любви главным образом в развитии патриархальной религии [25].

В начале этого развития мы обнаруживаем деспотического, ревнивого Бога, считающего созданного им человека своей собственностью и имеющего право делать с ним все, что угодно. Это та фаза религии, на которой Бог изгоняет человека из рая, дабы тот не вкушал от древа познания добра и зла и не смог сам стать Богом; это та фаза, на которой Бог желает при помощи потопа уничтожить род человеческий, потому что никто из людей не угоден ему, за исключением любимого сына Ноя; это та фаза, на которой Бог требует от Авраама, чтобы тот убил своего единственного любимого сына Исаака, высшим актом послушания доказав свою любовь к Богу. Но одновременно начинается новая фаза: Бог заключает с Ноем завет, в котором обещает никогда впредь не уничтожать род человеческий, и этим заветом он связывает себя. Он связывает себя не только своими обещаниями, но также и собственным принципом, принципом справедливости, и на этой основе Бог должен уступить требованию Авраама пощадить Содом, если там найдется хотя бы десять праведников. Но развитие идет дальше превращения Бога из образа деспотического племенного вождя в любящего отца, в отца, который связал себя принципами, им же самим установленными; развитие идет в направлении превращения Бога из образа отца в символ его принципов, принципов справедливости, истины и любви. Бог есть истина, Бог есть справедливость. В этом развитии Бог перестает быть личным существом, человеком, отцом. Он становится символом принципа единства, скрытого за разнообразием явлений, символом образа цветка, который вырастет из духовного семени внутри человека. Бог не может иметь имени. Имя всегда обозначает вещь или личность, нечто конечное. Как может Бог иметь имя, если он не личность и не вещь?

Самый поразительный случай этой перемены обнаруживается в библейской истории откровения Бога Моисею. Когда Моисей сказал Богу, что евреи не поверят, что его послал Бог, пока он не скажет им имя Бога (как могли идолопоклонники понять безымянность Бога, если сама сущность идола в том, чтоб иметь имя?), то Бог идет на уступку. Он говорит Моисею: «Я есмь сущий». «Вот имя Мое». «Я сущий» означает, что Бог не конечен, не личность, не "существо". Наиболее адекватный перевод этой фразы был бы таким: скажи им, что «мое имя – безымянность». Запрещение создавать какое-либо изображение Бога, произносить его имя всуе, наконец, вообще произносить его имя, имеет ту же цель – освобождение человека от идеи Бога как отца, как личности. В последующем развитии богословия эта идея была развита далее в утверждении, что Богу даже нельзя приписать никакого положительного атрибута. Сказать о Боге, что он мудр, силен, добр, это опять же представить его как личность; самое большее, что можно, это сказать, чем Бог не является, сформулировать негативные атрибуты, заявить, что он не ограничен, не немудр, не несправедлив. Чем больше я знаю, чем Бог не является, тем больше мое знание о Боге [26]

Следование зреющей идее монотеизма в его дальнейших следствиях может вести только к одному заключению: не упоминать имя Бога вообще, не говорить о Боге. И тогда Бог становится тем, чем он потенциально является в

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org
монотеистической теологии, безымянным Единым, чем-то невыразимым, понимаемым как единство, составляющее основу всего феноменального мира, основу всякого существования; Бог становится истиной, любовью, справедливостью. Бог это я, насколько сам я – человек.

Вполне очевидно, что эта эволюция от антропоморфного к чистому монотеистическому принципу повела к изменению понимания природы любви к Богу. Бога Авраама можно любить или бояться, как отца, у которого иногда преобладает прощение, иногда гнев. Поскольку Бог является отцом, то я являюсь ребенком. Я не избавился полностью от аутистического желания всеведения и всемогущества. Я все еще не достиг такой объективности, чтобы всецело признать ограниченность своего человеческого существа, свое нежежество, свою беспомощность. Я все еще требую, как ребенок, чтобы был отец, который спасает меня, опекает меня, наказывает меня, отец, который любит меня, когда я послушен, которому лестна моя хвала и который гневается, если я непослушен. Совершенно ясно, что большинство людей в своем личном развитии так и не преодолевают эту инфантильную стадию, и потому вера в Бога для большинства людей это вера в помогающего отца – детская иллюзия. Несмотря на то, что это понимание религии было преодолено некоторыми великими учителями человечества и меньшинством людей, оно все еще остается преобладающей формой религии.

А раз так, то критика идеи Бога, высказанная Фрейдом, вполне справедлива. Ошибка его однако заключалась в том, что он игнорировал другой аспект монотеистической религии, причем ее истинную суть, логика которой ведет как раз к отрицанию этого понятия Бога. Истинно религиозный человек, если он следует сущности монотеистической идеи, молится не ради чего-либо, не требует чего-либо от Бога; он любит Бога не так, как ребенок любит отца или мать; он достигает смирения, чувствуя свою ограниченность, зная, что он ничего не знает о Боге. Бог становится для него символом, в котором человек на ранней стадии своей эволюции выразил все то, к чему стремится человек, реальность духовного мира, любви, истины и справедливости. Он верит в принципы, которыми представлен «Бог», он мыслит истинно, живет в любви и справедливости, считает все в своей жизни ценным только в той мере, в какой это дает ему возможность более полного раскрытия его человеческих сил, как единственной реальности, с которой он считается, как единственного объекта «наивысшего интереса»; и, наконец, он не говорит о Боге – даже не упоминает его имени. Любить Бога, – если бы он использовал эти слова, – означало бы стремиться к достижению совершенной способности любить, к осуществлению того, что символизирует собой «Бог».

С этой точки зрения, логическим следствием монотеистической мысли является отрицание всякого «бого-словия», всякого «знания о Боге». И все же остается различие между такой радикальной небогословской точкой зрения и нетеистической системой, какую мы находим, например, в раннем буддизме или даосизме.

Во всех теистических системах, даже в небогословских мистических системах, есть полагание реальности духовного мира как трансцендентного человеку, придающего значение и ценность духовным силам человека и его стремлению к спасению и внутреннему рождению. В нетеистической системе не существует духовного мира, внешнего человеку или трансцендентного ему. Мир любви, разума, справедливости существует как реальность только потому и лишь в той степени, в какой человек способен развить эти силы в себе в процессе своей эволюции. С этой точки зрения, в жизни нет никакого смысла, кроме того, какой человек придает ей сам; человек абсолютно одинок, если он не помогает другому человеку.

Раз уж я говорю о любви к Богу, то хочу пояснить, что сам я мыслю не в теистических понятиях; и что для меня понятие Бога это только исторически обусловленное понятие, в котором человек на определенном историческом этапе выразил опыт восприятия своих высших сил, свое страстное стремление к истине и единству. Но я думаю также, что следствия строгого монотеизма и нетеистического пристального интереса к духовной реальности это две точки зрения, которые, несмотря на различия, не должны бороться друг с другом.

Здесь, однако, возникает другое измерение проблемы любви к Богу, которое должно быть рассмотрено ради понимания сложности проблемы. Я имею в виду фундаментальное различие между религиозными установками Востока (Китай и Индия) и Запада; это различие можно выразить в логических понятиях. Со времен Аристотеля западный мир следует логическим принципам аристотелевской

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org
философии. Эта логика основывается на законе тождества, который постулирует, что А есть А; законе противоречия (А не есть не-А) и законе исключенного третьего (А не может одновременно быть А и не-А, или не быть ни А, ни не-А). Аристотель объяснил это положение весьма точно в следующем высказывании: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (и все другое, что мы могли бы уточнить, пусть будет уточнено во избежание словесных затруднений) – это, конечно, самое достоверное из всех начал» [27].

Аксиомы аристотелевской логики так глубоко проникли в наш образ мыслей, что воспринимаются как нечто «естественное» и самоочевидное, утверждение же, что Х это А и не-А, кажется бессмысленным. (Конечно, утверждение это имеет в виду предмет Х в данное время, а не Х настоящего и Х будущего, или один аспект Х, противопоставленный другому аспекту).

Противоположностью аристотелевской логике является логика, которую можно назвать парадоксальной, она предполагает, что А и не-А не исключают друг друга как предикаты Х. Парадоксальная логика преобладала в китайском и индийском мышлении, в философии Гераклита, а затем снова, под названием диалектики, появилась в философии Гегеля и Маркса. Основным принципом парадоксальной логики был точно описан Лао-цзы: «Правдивые слова похожи на свою противоположность» [28]. И Чжуан-цзы: «То, что одно, – одно. То; что не одно, – тоже одно». Эти формулировки парадоксальной логики положительны: это есть и это не есть. Другая формулировка отрицательна: это не является ни этим, ни тем. Первую формулировку мы находим в даосизме, у Гераклита и в гегелевской диалектике; последняя формулировка часто встречается в индийской философии.

Хотя более подробное описание различия между аристотелевской и парадоксальной логикой выходило бы за пределы темы данной книги; я все же приведу несколько примеров, чтобы сделать этот принцип более понятным. Парадоксальная логика имеет свое раннее выражение в западной мысли в философии Гераклита. Он считает конфликт противоположностей основой всякого существования. «Не понимают они, – говорит он, – что Всеединое, противоположное в себе, само с собой согласуется: гармония противоположностей, как у лука и лиры» [29]. Или еще более ясно: «Мы входим в одну и ту же реку, и все же не в ту же самую; мы те же и не те же» [30]. «Одно и то же проявляет себя в вещах как живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое» [31].

В философии Лао-цзы та же идея выражена в более поэтической форме. Характерный пример даосского парадоксального мышления содержится в следующем утверждении: «Тяжелое является основой легкого. Покой есть главное в движении» [32]. Или «Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего, что бы оно не делало» [33]. Или «Мои слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять» [34]. В даосском мышлении, так же как в индийском и сократовском, высшей ступенью, которой может достичь мысль, является знание, что мы ничего не знаем. «Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен» [35]. Прямое следствие этой философии состоит в том, что высший Бог не может быть поименован. Высшую реальность, высшее Единое нельзя охватить в словах или в мыслях. Как выразил это Лао-цзы: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя» [36]. Или в другой формулировке: «Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино» [37]. И еще одна формулировка той же идеи: «Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает» [38].

Брахманская философия сосредотачивала внимание на отношении между многообразием (феноменами) и единством (Брахманом). Но парадоксальную философию ни Индии, ни Китая не следует смешивать с дуалистической точкой зрения. Гармония (единство) заключается в конфликте противоположностей, из которых она образована. «Брахманская мысль с самого начала была сосредоточена на парадоксе одновременных антагонизмов – и в то же время – идентичности проявляющихся сил и форм феноменального мира» [39]. Высшая сила в Универсуме, как и в человеке, трансцендентна и понятийной и чувственной сферам. Вот почему она «не это и не то». Но, как замечает Циммер, «в этом строго недуалистическом понимании нет антагонизма «реального и нереального» [40]. В своем поиске единства, скрытого в

многообразии, брахманские мыслители пришли к заключению, что постигаемая пара противоположностей отражает природу не вещей, а постигающего разума. Постигающая мысль должна выйти за пределы самой себя, если она стремится к постижению истинной реальности. Противоречие это категория человеческого разума, а не сам по себе элемент реальности. В Ригведе этот принцип выражен в такой форме: «Я есмь двумя, силой жизни и материей жизни, двумя одновременно». Конечное следствие идеи, что мысль может осуществлять постижение только в противоречиях, находит еще более решительное продолжение в ведантистском мышлении, которое утверждает, что мысль – со всеми ее тончайшими различиями – представляет собой «только более неуловимый горизонт незнания, на самом деле самый неуловимый из всех иллюзорных проявлений майи» [41].

Парадоксальная логика имеет важное значение для понятия Бога. Так как Бог представляет высшую реальность и так как человеческий разум постигает реальность в противоречиях, то о Боге невозможно высказать никакого положительного утверждения [42]. В Веданте идея всеведения и всемогущества Бога считается крайней формой незнания. Мы видим здесь связь с безымянностью Дао, с безымянным именем Бога, открывшего себя Моисею, «абсолютным Ничто» Мейстера Экхарта. Человек может знать только отрицание, но отнюдь не утверждение высшей реальности. «Итак, не может вообще человек познать, что есть Бог. Одно знает он хорошо: что не есть Бог... Так, не довольствуясь ничем, разум стремится к обладанию высшим из всех благ» [43]. По Мейстеру Экхарту, «Божественное единство это отрицание отрицаний, и отрешение отрешений. Каждое творение содержит в себе отрицание: оно отрицает, что оно нечто другое» [44]. А уж дальнейшее следствие состоит в том, что для Мейстера Экхарта Бог становится «абсолютным Ничто», так же как для каббалы высшая реальность – «En Sof», Бесконечное Единое. Я рассмотрел различие между аристотелевской и парадоксальной логикой, чтобы подготовить почву для важного различения в понятии любви к Богу. Учителя парадоксальной логики говорят, что человек может постигать реальность только в противоречиях и никогда не может посредством мысли постичь высшую реальность-единство, Единое само по себе. Это вело к тому, что человек не ставил такой высшей цели – найти ответ именно посредством мысли. Мысль может привести нас только к пониманию того, что она не способна дать нам окончательный ответ. Мир мысли пребывает в плену парадокса. Единственный способ понять мир в его высшем смысле состоит не в мышлении, а в действии, в переживании единства. Так, парадоксальная логика ведет к выводу, что любовь к Богу это и не познание Бога путем мысли, и не мысль о собственной любви к Богу, а акт переживания единства с Богом.

Это приводит к утверждению значимости правильного образа жизни. Все в жизни, всякое малое и всякое важное действие, посвящены познанию Бога, но познанию не посредством правильной мысли, а посредством правильного действия. Это можно ясно видеть в восточных религиях. В брахманизме, так же как в буддизме и даосизме, высшая цель религии это не правильная вера, а правильное действие. То же самое мы находим и в иудейской религии. В иудейской традиции вряд ли когда-либо существовал раскол по поводу веры (единственное значительное исключение – расхождение между фарисеями и саддукеями – было расхождением двух противоположных социальных классов). Особое значение в иудейской религии (особенно с начала нашей эры) имел правильный образ жизни – галаха (это слово имеет то же значение; что и Дао).

В Новое время тот же принцип был выражен Спинозой, Марксом и Фрейдом. В философии Спинозы внимание переносится с правильной веры на правильное поведение. Маркс утверждал тот же принцип, говоря: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Фрейдовская парадоксальная логика привела его к психоаналитической терапии, все углубляющемуся переживанию человеком самого себя.

С точки зрения парадоксальной логики, суть не в мысли, а в действии. Эта установка имеет несколько других следствий. Во-первых, она ведет к терпимости, которую мы находим в индийском и китайском религиозном развитии. Если правильная мысль не является высшей истиной и путем к спасению, то нет причины бороться с другими людьми, чья мысль приходит к иным формулировкам. Эта терпимость прекрасно выражена в истории о нескольких людях, которым, предложили описать в темноте слона. Один, прикоснувшись к его хоботу, сказал, что это животное подобно водяной трубе, другой, прикоснувшись к уху, сказал, что это животное подобно вееру, третий, прикоснувшись к ногам, описал животное как столб.

Во-вторых, парадоксальная точка зрения ведет к акцентированию большей значимости изменения человека, чем значимости развития догматов, с одной стороны, и науки, с другой. С индийской, китайской и мистической точек зрения, религиозная задача человека состоит не в том, чтобы думать правильно, а в том, чтобы правильно действовать и/или воссоединиться с Единым в акте сосредоточенного созерцания.

Противоположность этому составляет основное течение западной мысли. Поскольку она надеялась найти высшую истину в правильной мысли, то акцент делался на мышлении, хотя и правильное действие тоже признавалось важным. В религиозном развитии это вело к формулированию догматов, бесчисленным спорам о догматических формулировках, к нетерпимости к «неверующему» или еретику. Далее, это вело к подчеркиванию «веры в Бога» как основной цели религиозной установки. Это, конечно, не значит, что здесь не было также принципа необходимости правильной жизни. Но все же человек, который верил в Бога – даже если он не жил по-божески – чувствовал свое превосходство над тем, кто жил по-божески, но не верил в Бога.

Сосредоточение внимания на мышлении имеет еще одно, исторически очень важное, следствие. Идея, что можно найти истину посредством мысли, повела не только к догме, но также и к науке. В научном мышлении главное значение придается правильной мысли, как в аспекте интеллектуальной честности, так и в аспекте применения научной мысли к практике – то есть, в технике.

Короче говоря, парадоксальное мышление ведет к терпимости и стремлению к самоизменению. Аристотелевская точка зрения ведет к догме и науке, к католической церкви и к открытию атомной энергии.

Последствия для проблемы любви к Богу различий между этими двумя точками зрения уже достаточно полно показаны и необходимо только кратко суммировать их.

В преобладающей на Западе религиозной системе любовь к Богу это, в сущности, то же, что и вера в Бога, в существование Бога, в справедливость Бога, в любовь Бога. Любовь к Богу это, в сущности, мысленный опыт. В восточных религиях и в мистицизме любовь к Богу это напряженное вчувствование в единство, нераздельно соединенное с выражением этой любви в каждом жизненном действии. Наиболее радикальная формулировка этой цели дана Мейстером Экхартом: «Если бы я превратился в Бога, и он сделал меня единым с Собой, то если б я жил по-божески, не было бы между нами различия. Некоторые люди воображают, что они увидят Бога так, как если бы Он стоял здесь, а они там, но так не может быть. Бог и я: мы одно. Познавая Бога, я принимаю Его в себя. Любя Бога, я проникаю в Него» [45].

Теперь мы можем вернуться к важной параллели между любовью к собственным родителям и любовью к Богу. Ребенок начинает жизнь с привязанности к своей матери, «как основе всякого бытия». Он чувствует беспомощность и необходимость всеобъемлющей любви матери. Затем он обращается к отцу как к новому центру своей привязанности; отец становится тем принципом, какой направляет мысли и действия; на этой стадии ребенок мотивирован необходимостью достичь отцовской похвалы и избежать отцовского недовольства. На стадии полной зрелости он освобождается от личностей матери и отца как опекающих и направляющих сил; он утверждает в самом себе материнский и отцовский принципы. Он становится своим собственным отцом и матерью; он сам есть отец и мать. В истории рода человеческого мы видим – и можем предвидеть наперед – то же развитие: от первоначальной любви к Богу, как беспомощной привязанности к матери-Богине, через послушную привязанность к Богу-отцу, к зрелой стадии, когда Бог перестает быть внешней силой, когда человек вбирает в себя принципы любви и справедливости, когда он становится един с Богом, и наконец, к точке, где он говорит о Боге только в поэтическом, символическом смысле.

Из этих размышлений следует, что любовь к Богу нельзя отделить от любви к своим родителям. Если человек не освобождается от кровной привязанности к матери, клану, народу, если он сохраняет детскую зависимость от карающего и вознаграждающего отца или какого-либо иного авторитета, он не может развить в себе более зрелую любовь к Богу; следовательно, его религия является такой, какой она была на ранней стадии развития, когда Бог воспринимался как опекающая всех мать или карающий-вознаграждающий отец.

В современной религии мы видим присутствие всех стадий развития, от самой ранней и примитивной до высшей. Слово «Бог» обозначает как племенного вождя, так и «абсолютное Ничто». Так же и каждый индивид сохраняет в себе, в своем бессознательном, как было показано Фрейдом, все стадии, начиная со стадии беспомощного младенца. Вопрос в том, до какой стадии человек дорос. Ясно одно: природа его любви к Богу соответствует природе его любви к человеку, и далее, действительный характер его любви к Богу и человеку часто остается бессознательным, будучи скрыт и рационализирован более зрелой мыслью о том, какова его любовь. И еще, любовь к человеку, хотя она непосредственно вплетена в его отношения со своей семьей, в конечном счете, определяется структурой общества, в котором он живет. Если социальная структура основана на подчинении авторитету – явному авторитету или анонимному авторитету рынка и общественного мнения, – его понятие Бога по необходимости оказывается инфантильным и далеким от той зрелости, зерна которой можно найти в истории монотеистической религии.

III. ЛЮБОВЬ И ЕЕ РАСПАД В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Если любовь это способность зрелого, плодотворного характера, то из этого следует, что у индивида, живущего в определенной культуре, способность любить зависит от влияния этой культуры на характер обычного человека. Если мы говорим о любви в современной западной культуре, то перед нами встает вопрос, способствует ли развитию любви социальная структура западной цивилизации и обусловленный ею дух. При такой постановке вопроса придется ответить на него отрицательно. Объективное наблюдение за нашей западной жизнью не вызывает сомнения, что любовь – братская, материнская и эротическая – явление относительно редкое, и ее место заняли различные формы псевдолюбви, которые в действительности являются многочисленными формами распада любви.

Капиталистическое общество основано на принципе политической свободы, с одной стороны, и на принципе рынка как регулятора всех экономических, а, следовательно, и социальных отношений, с другой. Товарный рынок определяет условия, при которых происходит обмен товаров, рынок труда регулирует куплю и продажу труда. Как полезные вещи, так и полезная человеческая энергия и навыки превращаются в товары, которые обмениваются без применения силы и без обмана на условиях рынка. Туфли, при всей их практичности и надежности, не имеют экономической ценности (обменной ценности), если на них нет спроса на рынке; человеческая энергия и навыки не имеют обменной ценности, если при существующих рыночных условиях на них нет спроса. Владелец капитала может купить рабочую силу и заставить ее приносить прибыль своему капиталу. Владельцу рабочей силы приходится продавать ее капиталисту по существующим рыночным условиям, если он не хочет умереть с голода. Эта экономическая структура отражена в иерархии ценностей. Капитал господствует над трудом; нагромождение вещей, – то, что мертво, – имеет более высокую ценность, чем то, что живо – труд, человеческие силы.

Основная структура капитализма была такой с самого его начала. И хотя она все еще характерна для современного капитализма, некоторые факторы изменились, придав современному капитализму его специфические качества и оказав глубокое влияние на структуру характера современного человека. В результате развития капитализма наблюдается все возрастающий процесс централизации и концентрации капитала. Большие предприятия непрерывно растут, меньшие подвергаются финансовому давлению. Владение капиталом, вложенным в эти предприятия, все больше и больше отделяется от функции управления ими. Сотни тысяч держателей акций «владеют» предприятием; а управляет им бюрократический аппарат хорошо оплачиваемых управляющих, которые однако не владеют предприятием. Эта бюрократия намного меньше заинтересована в создании максимальной прибыли, чем в расширении предприятия и в собственной власти. Растущая концентрация капитала и появление могущественной бюрократии управляющих идет параллельно с развитием рабочего движения. Вследствие организации профсоюзов отдельный рабочий не должен сам от своего имени выступать в роли продавца своего труда на рынке рабочей силы; он включен в большие трудовые союзы, также руководимые мощной бюрократией, которая представляет за рабочего в отношениях с индустриальными гигантами. Как в области капитала, так и в области труда, к лучшему это или к худшему, инициатива перешла от индивида к бюрократии. Все больше людей утрачивают независимость и становятся зависимы от управляющих огромных экономических империй.

Другая решающая черта, являющаяся результатом концентрации капитала и

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org
характеризующая современный капитализм, это специфический способ организации труда. Высокий уровень централизации предприятий с их предельным разделением труда ведет к такой организации процесса работы, при которой индивид теряет свою индивидуальность, становится легко заменимым винтиком в машине. Проблему человека в системе капитализма можно сформулировать так:

Современному капитализму нужны люди, которые кооперированы в большие массы и слаженно трудятся сообща; которые хотят потреблять все больше и больше; чьи вкусы стандартизованы, легко направляемы извне и предсказуемы. Ему нужны люди, которые считают себя свободными и независимыми, неподвластными какому-либо авторитету, принципу или совести – и при этом готовы подчиняться приказу, делать то, чего от них ждут, без конфликта прилаживаться к социальной машине; люди, которыми можно руководить без применения силы, вести без ведущих, заставлять действовать без какой-либо определенной цели – за исключением цели делать товар, быть в движении, функционировать, идти вперед.

Каков же результат? Современный человек отчужден от себя, от своих близких, от природы [46]. Он превращен в товар, он воспринимает свои жизненные силы как инвестицию, которая должна приносить ему максимальную прибыль, возможную при существующих рыночных условиях. Человеческие отношения, в сущности, являются отношениями отчужденных автоматов, каждый из которых обеспечивает себе безопасность тем, что держится поближе к стаду и не отличается от других в мыслях, чувствах или действиях. Хотя каждый старается быть как можно ближе к остальным, он остается крайне одиноким, проникнутым глубоким чувством неуверенности, тревоги и вины, которые всегда появляются там, где человеческое одиночество невозможно преодолеть. Наша цивилизация предлагает множество паллиативов, помогающих людям не осознавать свое одиночество: первостепенный из них это строгий шаблон бюрократизированной, механизированной работы, который помогает людям оставаться вне осознания своих самых основных человеческих желаний – стремления к трансценденции и единству. Поскольку один этот шаблон не справляется с задачей, человек пытается преодолеть неосознанное отчаяние при помощи шаблона развлечений, пассивного потребления звуков и зрелищ, предлагаемых развлекательной индустрией, а также удовлетворения от покупки новых вещей и скорой замены их другими. Современный человек, действительно, близок к тому образу, какой Хаксли описал в «Прекрасном новом мире»: хорошо накормленный, хорошо одетый, сексуально удовлетворенный, но не обладающий собственным «я», вступающий лишь в самое поверхностное общение со своими близкими, направляемый лозунгами, которые Хаксли сформулировал так кратко: «Кто чувства любит, тот общество губит» или «никогда не откладывай на завтра развлечение, которое можешь получить сегодня» или, как коронный принцип: «В наше время каждый счастлив». Человеческое счастье сегодня состоит в том, чтобы «развлекаться». Развлекаться это значит получать удовольствие от потребления товаров, зрелищ, пищи, напитков, сигарет, людей, лекций, книг, кинокартин – все потребляется, поглощается. Мир это один большой предмет нашего аппетита, большое яблоко, большая бутылка, большая грудь; мы – сосунки, вечно чего-то ждущие, вечно на что-то надеющиеся – и вечно разочарованные. Наш характер приспособлен к тому, чтобы обменивать и получать, торговать и потреблять; все предметы, как духовные, так и материальные, становятся предметом обмена и потребления.

Что касается любви, то ситуация по необходимости соответствует социальному характеру современного человека. Автоматы не могут любить; они могут обменивать свои «персональные пакеты» и надеяться на удачную сделку. Одно из самых значимых выражений любви, и особенно брака с его отчужденной структурой, это идея «слаженности». Во многих статьях о счастливом браке его идеал описывается как идеал слаженно функционирующей команды. Это описание не слишком отличается от идеи исправно функционирующего служащего: он должен быть «разумно независим», готов к совместной работе, терпим и в то же время честолюбив и агрессивен. Так, консультант по брачным отношениям скажет нам, что муж должен «понимать» свою жену и помогать ей. Он должен выразить одобрение по поводу ее нового платья и вкусного блюда. Она, в свою очередь, должна понимать его, когда он приходит домой усталый и расстроенный, внимательно его выслушивать, когда он говорит о своих деловых затруднениях, должна не сердиться, а понять его, когда он забывает о ее дне рождения. Все отношения такого рода сводятся к хорошо отлаженной связи двух людей, всю жизнь остающихся чужими друг другу, никогда не достигающих «глубинной связи», но взаимно любезных и старающихся сделать приятное друг другу.

При таком понимании любви и брака главным считается обретение убежища от чувства одиночества, непереносимого в других условиях. В «любви» находят, наконец, спасение от одиночества. Создается союз двоих против мира, и этот эгоизм вдвоем ошибочно принимается за любовь и близость.

Приоритет духа слаженности, взаимной терпимости и т. д. это явление относительно новое. Ему предшествовало в годы после первой мировой войны понятие любви, в котором основой удовлетворительных любовных отношений и в особенности счастливого брака считалось обоюдное сексуальное удовлетворение. Были убеждены, что причины частой несчастливиости браков надо искать в том, что партнеры в браке не сумели «сексуально приспособиться друг к другу»; причину этой беды видели в незнании «правильного» сексуального поведения, то есть, в незнании сексуальной техники одним или обоими партнерами. Чтобы «поправить» эту беду и помочь неудачливым парам, которые не сумели полюбить друг друга, многие книги давали инструкции и советы насчет правильного сексуального поведения и обещали, неявно или явно, что тогда наступит счастье и любовь. Основополагающая идея состояла в том, что любовь – это плод сексуального наслаждения, и если два человека научатся сексуально удовлетворять друг друга, то они будут любить друг друга. Это соответствовало общей иллюзии того времени, что использование правильной техники способно решить не только технические проблемы индустриального производства, но также и все человеческие проблемы. Игнорировался тот факт, что истина прямо противоположна этому основополагающему предположению.

Любовь не является результатом адекватного сексуального удовлетворения, сексуальное счастье – даже знание так называемой сексуальной техники – это результат любви. Если бы этот тезис нуждался в ином, помимо повседневного наблюдения, доказательстве, то такое доказательство можно найти в обширном материале психоаналитических данных. Изучение наиболее часто встречающихся сексуальных проблем – фригидности у женщин и более или менее острых форм психической импотенции у мужчин – показывает, что причина здесь не в отсутствии знания правильной техники, а в торможениях, производящих эту неспособность любить. Страх или ненависть по отношению к противоположному полу служат причиной тех трудностей, которые мешают человеку отдаваться полностью, действовать спонтанно и просто довериться сексуальному партнеру в полной физической близости. Если человек, подверженный сексуальным торможениям, сможет избавиться от страха или ненависти и обретет способность любить, исчезнут и ее или его сексуальные проблемы. Если нет, то не поможет и знание сексуальной техники.

Но хотя данные психоаналитической терапии указывают на ошибочность идеи, что знание правильной сексуальной техники ведет к сексуальному счастью и любви, теории Фрейда оказали большое влияние на представление, что любовь сопутствует обоюдному сексуальному удовлетворению. Для Фрейда любовь была, в основе своей, сексуальным феноменом. «Человек, на опыте убедившись, что половая (генитальная) любовь дает ему самое большое удовлетворение, так что она, фактически, становится для него прообразом всякого счастья, вынужден вследствие этого искать свое счастье на пути сексуальных отношений, ставить генитальную эротику в центр своей жизни» [47]. Переживание братской любви, по Фрейду, это результат сексуального желания, но сексуальный инстинкт оказался при этом преобразован в импульс, направленный на «запретную цель». «Любовь, направленная на нечто запретное, была первоначально чувственной любовью, и в бессознательном человека она все еще остается таковой» [48]. Что касается чувства слиянности, единства («океанического чувства»), являющегося сущностью мистического переживания и источником самого сильного чувства единства с другим человеком или с ближними, то оно было интерпретировано Фрейдом как патологический феномен, как возврат к состоянию раннего, «безграничного нарциссизма» [49].

Сделав еще только один шаг, Фрейд счел любовь, в сущности, иррациональным феноменом. Различия между иррациональной любовью и любовью как проявлением зрелой личности для него не существует. Он подчеркивал в своей работе о переносе любви [50], что любовь, перенесенная на другой объект, в сущности своей не отличается от «нормального» феномена любви. Влюбленность всегда граничит с ненормальностью, всегда сопровождается слепотой в отношении действительности, подчиненностью слепой силе и является перенесением с объектов детской любви. Любовь как разумный феномен, как вершина достигнутой зрелости, не составляла для Фрейда предмета исследования, поскольку она для него вообще реально не существовала.

Однако будет ошибкой переоценивать влияние идей Фрейда на концепцию любви как результата полового влечения, или вернее, любви как тождества полового удовлетворения, отраженного в осознанном чувстве. На самом деле причинная зависимость здесь обратная. Идеи Фрейда были отчасти внушены духом XIX века, отчасти стали популярны благодаря настроениям, преобладающим в годы после первой мировой войны. Первым из факторов, оказавших влияние как на общепринятое понимание, так и на фрейдовские концепции, была реакция на строгие нравы викторианской эпохи. Другой фактор, определивший фрейдовские теории, состоит в преобладании тогда такого понимания человека, которое основано на структуре капитализма. Чтобы доказать, что капитализм соответствует естественным потребностям человека, нужно было показать, что человек по природе своей склонен к соперничеству и полон враждебности к другим людям. В то время как экономисты «доказывали» это, говоря о ненасытной жажде экономической наживы, а дарвинисты – говоря о биологическом законе выживания наиболее приспособленных, Фрейд пришел к тому же результату, предположив, что мужчиной движет безграничное желание сексуально покорить всех женщин, и только давление общества препятствует ему в осуществлении этого желания. И вот мужчины обязательно завидуют друг другу, и эта взаимная зависть и соперничество будут продолжаться, даже если для них исчезнут все социальные и экономические причины [51].

Наконец, на мышление Фрейда оказал значительное влияние тот тип материализма, который преобладал в XIX веке. Считалось, что в основе всех духовных явлений лежат явления физиологические, а потому любовь, ненависть, честолюбие, зависть объяснялись Фрейдом как многочисленные проявления различных форм полового инстинкта. Он не замечал, что действительную основу составляет вся полнота человеческого существования; во-первых, общая всем людям человеческая ситуация, и, во-вторых, жизненная практика, обусловленная определенной структурой общества. (Решительный шаг вперед за пределы этого типа материализма был сделан Марксом в его «историческом материализме», в котором не тело и не инстинкты, вроде потребности в пище или собственности, служат ключом к пониманию человека, а весь процесс жизни человека, его «практика жизни»). Согласно Фрейду, полное и ничем не сдерживаемое удовлетворение всех инстинктивных желаний вело бы к духовному здоровью и счастью. Но очевидные клинические факты свидетельствуют, что мужчины – или женщины – посвящающие свою жизнь неограниченному сексуальному удовлетворению, не достигают счастья и очень часто страдают от острых невротических конфликтов или симптомов. Полное удовлетворение всех инстинктивных потребностей не только не является основой для счастья, но даже не гарантирует психического здоровья. Все же идея Фрейда стала столь популярной в период после первой мировой войны именно вследствие тех изменений, которые произошли в духе капитализма, когда приоритет переместился с накопления на расходование, с самоограничения как средства экономического успеха на потребление как основу все расширяющегося рынка и как главное удовольствие для одержимого тревогой, уподобившегося автомату индивида. Не откладывать удовлетворение какого бы то ни было желания стало главной тенденцией как в сфере секса, так и в сфере всякого материального потребления.

Интересно сравнить понятия Фрейда, соответствующие духу капитализма в начале нашего века, когда он еще существовал в нерушимом виде, с теоретическими понятиями одного из самых блестящих современных психоаналитиков покойного Г. С. Салливэна. В психоаналитической системе Салливэна мы находим, в отличие от фрейдовской, строгое различие между сексуальностью и любовью.

Что означает любовь и близость в концепции Салливэна? «Близость это такой тип ситуации для двух людей, которая дает достаточные возможности для утверждения всех их личных ценностей. Утверждение личных ценностей требует такого типа отношений, которые я называю сотрудничеством, а под ним разумею четко проявленную приспособленность своего поведения к выраженным потребностям другого человека ради увеличения общего для обоих, т. е. все более полного взаимного удовлетворения, а также для поддержания все возрастающей у обоих уверенности в своих действиях» [52]. Если освободить утверждение Салливэна от некоторой языковой сложности, то сущность любви предстанет как ситуация сотрудничества, в котором два человека чувствуют так: «Мы играем по правилам игры, чтобы поддержать наш престиж, чувство превосходства и достоинство» [53].

Как фрейдовская концепция любви описывает опыт самца-патриарха в условиях

капитализма XIX века, так сэлливэнское описание передает опыт отчужденной, сформированной рынком личности XX века. Это описание «эгоизма вдвоем», эгоизма двух людей, объединившихся на почве общих интересов и вместе противостоящих враждебному и чуждому миру. Такое описание близости, в принципе, применимо к чувству любого слаженного сотрудничества, в котором каждый «приспосабливает свое поведение к выраженным потребностям другого человека ради общих целей» (показательно, что Сэлливэн говорит здесь о выраженных потребностях, в то время как любовь предполагает у двух людей реакцию именно на невыраженные потребности).

Любовь как взаимное сексуальное удовлетворение и любовь как «слаженная работа» и убежище от одиночества – это две «нормальные» формы разложения любви в современном западном обществе, социально моделированной патологии любви. Существует много индивидуальных форм патологии любви, приводящих к осознаваемому страданию, и их причисляют к неврозам как психиатры, так и все увеличивающееся число неспециалистов. Некоторые из наиболее часто встречающихся форм кратко описаны в следующих примерах.

Основу невротической любви составляет то, что один или оба «любящих» остаются привязанными к образу одного из родителей, и, уже будучи взрослыми, переносят на любимого человека чувства, ожидания и страхи, которые испытывали по отношению к отцу или матери; эти люди так и не освободились от принципа детской зависимости и, став взрослыми, ищут воспроизведения этого принципа в своих любовных требованиях. В таких случаях человек остается в смысле чувств ребенком двух, или пяти, или двенадцати лет, хотя интеллектуально и социально он находится на уровне своего хронологического возраста. В наиболее тяжелых случаях эмоциональная незрелость ведет человека к нарушениям социальной дееспособности; в менее тяжелых случаях конфликт ограничивается сферой интимных личных отношений.

С учетом нашего предыдущего обсуждения личностных ориентаций на образе матери или отца, следующий пример этого типа часто встречающихся сегодня невротических любовных отношений касается мужчин, чье эмоциональное развитие осталось на стадии детской привязанности к матери. Это мужчины как бы так никогда и не отделившиеся от матери. Они все еще чувствуют себя детьми, жаждут материнской опеки, любви, тепла, заботы и восхищения; жаждут безусловной материнской любви, любви, которая дается по той лишь причине, что они в ней нуждаются, что они – дети своей матери, что они беспомощны. Такие мужчины часто бывают нежны и обаятельны, когда стараются возбудить в женщине любовь к себе, и даже после того, как сумели этого добиться. Но их отношение к женщине (как, по сути, и ко всем другим людям) остается поверхностным и безответственным. Их цель – быть любимыми, а не любить. В мужчинах такого типа обычно много тщеславия, более или менее прикрытого грандиозными идеями. Если они находят подходящую им женщину, они чувствуют себя уверенными, на вершине мира, и могут проявлять много нежности и обаятельности; вот почему такие мужчины часто производят столь обманчивое впечатление. Но когда, по прошествии некоторого времени, женщина перестает удовлетворять их фантастическим ожиданиям, начинаются конфликты и обиды. Если женщина не всегда выражает восхищение, если она претендует на самостоятельность, если она хочет быть любима и окружена вниманием, и в крайних случаях, если она не согласна прощать его любовные связи с другими женщинами (или даже проявлять к ним восторженный интерес), то мужчина чувствует себя глубоко задетым и разочарованным и обычно оправдывает это чувство тем, что женщина «не любит его, эгоистка или подавляет его». Все, что не согласуется с отношением любящей матери к своему очаровательному ребенку, расценивается как доказательство отсутствия любви. Такие мужчины обычно принимают за истинную любовь свое нежное поведение, свое желание нравиться, и потому приходят к выводу, что с ними обходятся совершенно несправедливо; они воображают себя великими любовниками и горько сетуют на неблагодарность своих любовных партнеров.

В редких случаях такая ориентированная на мать личность может прожить без каких-либо тяжелых расстройств. Если мать в самом деле «любила» ребенка, не в меру опекая его (возможно, будучи властной, но не оказавшей при этом пагубного воздействия), если такой человек нашел жену того же типа, что и мать, если его дарования и таланты позволяют ему использовать свое обаяние и возбуждать восхищение (как иногда случается с удачливыми политиками), он оказывается «хорошо приспособленным» в социальном смысле, так никогда и не достигнув более высокого уровня зрелости. Но при менее благоприятных условиях – а это, естественно, случается чаще – его любовная, а то и социальная жизнь, приносит ему серьезные разочарования; когда такой человек

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
предоставлен сам себе, возникают конфликты, зачастую напряженная тревога и депрессия.

В более тяжелой форме патологии фиксированность на матери бывает глубже и иррациональнее. На этом уровне желание состоит не в том, чтобы, образно говоря, вернуться в материнские заботливые руки или к материнской кормящей груди, а в том, чтобы вернуться в материнское всеприемлющее – и всеуничтожающее – лоно. Если сущность психического здоровья заключается в том, чтобы выйти в мир из материнского лона, то сущность душевной болезни – в том, чтобы быть принятым в лono; вернуться в него обратно – и так избавиться от жизни. Этот вид фиксации обычно встречается в отношении к матерям, которые связывают себя со своим ребенком поглощающе-разрушительным образом. Иногда во имя любви, иногда во имя долга они хотя бы удержат своего ребенка, юношу, мужчину при себе; он не должен дышать иначе, как через нее, не должен любить иначе, как на поверхностном сексуальном уровне – унижая всех других женщин; он должен быть не свободным и независимым, а вечным калекой или преступником.

Таким предстает отрицательный аспект материнского образа – разрушительный, поглощающий. Мать может дать жизнь и может забрать жизнь. Она та, кто возрождает, и та, кто уничтожает; она может творить чудеса любви – и никто не может причинить больше боли, чем она. В религиозных образах (таких как индуистская богиня Кали) и в символике снов часто можно обнаружить оба этих противоположных аспекта матери.

Другую форму невротической патологии находим в тех случаях, где главной является привязанность к отцу.

Это случаи, когда мать холодна и равнодушна, отец же (отчасти вследствие холодности своей супруги) сосредотачивает все свои чувства и интересы на сыне. Он – «хороший отец», но в то же время он авторитарен. Будучи доволен поведением сына, он хвалит его, дарит подарки, бывает чуток; когда же сын вызывает его недовольство, отец отстраняется или бранит. Сын, для которого отеческая любовь – единственная, какая у него есть, становится по-рабски привязан к отцу. Его главная цель в жизни – угодить отцу, и когда это удается, он чувствует себя счастливым, уверенным, довольным. Но когда он допускает промахи, терпит неудачу, или оказывается неспособен угодить отцу, он чувствует себя обескураженным, нелюбимым, отвергнутым. В последующей жизни такой человек будет стараться найти отцовский образ в ком-либо, к кому привяжется как к отцу. Вся его жизнь становится чередованием взлетов и падений, в зависимости от того, удастся ли добиться отцовской похвалы. У таких людей социальная карьера часто бывает очень успешной. Они честны, надежны, усердны – при условии, что человек, избранный в качестве отцовского образа, понимает, как ими управлять. Но в своих отношениях с женщинами они остаются равнодушными и отстраненными. Женщина не представляет для них центрального значения; они обычно относятся к ней с пренебрежительной снисходительностью, зачастую маскируемой под отеческую заботу о маленькой девочке. Поначалу они могут произвести на женщину сильное впечатление своими мужскими качествами, но разочаровывают, когда женщина, которую взяли в жены, открывает, что ей выпало играть второстепенную роль, а первостепенной для мужа является привязанность к тому человеку, в каком в данное время он видит отцовский образ; случается, правда, что и жена остается привязанной к своему отцу – и тогда она счастлива с мужем, который относится к ней как к капризному ребенку.

Более сложен такой вид невротического расстройства в любви, какой основан на ином виде родительской ситуации – когда родители не любят друг друга, но слишком сдержанны, чтобы ссориться или проявлять какие-либо знаки неудовольствия. При этом отстраненность не позволяет им быть непринужденными в своих отношениях к ребенку. Маленькая девочка живет в атмосфере «корректности», которая не допускает близкого контакта с отцом или матерью, и потому оставляет девочку в растерянности и страхе. Она никогда не знает, что родители чувствуют или думают; в этой атмосфере всегда присутствует элемент неопределенности, таинственности. В результате девочка уходит в свой собственный мир, в мечты наяву, остается отстраненной и сохраняет ту же установку в своих позднейших любовных отношениях.

Далее, эта замкнутость в себе служит развитию напряженной тревожности, чувства недоверия к себе и миру, и часто ведет к мазохистским склонностям как единственному способу пережить сильное возбуждение. Зачастую такая женщина предпочитает, чтобы муж устроил сцену и накричал вместо того, чтобы

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org
сохранять более нормальное и благоразумное поведение, потому что, по крайней мере, это хоть как-то может снять с нее бремя напряжения и страха; нередко такие женщины бессознательно провоцируют подобное поведение, чтобы избавиться от мучительного состояния эмоциональной нейтральности.

Далее описываются другие часто встречающиеся формы иррациональной любви, без анализа конкретных факторов детского развития, являющихся их источниками:

форма псевдолюбви, которая нередко встречается и часто воспринимается (а еще чаще изображается в кинокартинах и романах) как «великая любовь», это любовь-поклонение. Если человек не достиг обретения чувства самостоятельности, осознания собственного «я» в плодотворной реализации собственных сил, он имеет склонность «преклоняться» перед любимым человеком. Он отчужден от собственных сил и проецирует их на любимого человека, которого почитает как *summius bonum* [54], воплощение любви, света, блаженства. Тем самым он лишает себя всякого ощущения собственной силы, теряет себя в любимом человеке вместо того чтобы обрести себя в нем. Поскольку обычно никто не может в течение долгого времени согласовывать свою жизнь с ожиданиями почитателя-идолопоклонника, то у того непременно наступает разочарование, и в качестве исцеления он отыскивает нового идола, и иногда так происходит циклически раз за разом. Что характерно для этого типа любви-поклонения, так это сила и внезапность любовного переживания на начальном этапе. Эта любовь-поклонение часто изображается как истинная, великая любовь; но хотя она, казалось бы, должна свидетельствовать о силе и глубине любви, на самом деле она обнаруживает лишь неутоленность и отчаяние поклоняющегося. Нет необходимости говорить, что нередко два человека относятся друг к другу с взаимным поклонением, которое иногда, в наиболее тяжелых случаях, представляет собой *folie a deux* [55].

Еще одну форму псевдолюбви можно назвать «сентиментальной любовью». Ее сущность в том, что любовь переживается только в фантазии, а не в реальных отношениях с другим конкретным человеком. Наиболее широко распространенная форма этого типа любви – это заместительное любовное удовлетворение, переживаемое потребителем кинокартин, журнальных любовных историй и песен о любви. Все неосуществленные желания любви, единства и близости находят удовлетворение в потреблении такой продукции. Мужчина и женщина, которых в отношениях с их супругами разделяет стена отчужденности, бывают растроганы до слез, сопереживая счастливой или несчастливой любовной истории, разыгрываемой на экране. Для многих пар видеть эти истории в кино – это единственный способ пережить любовь – не друг к другу, а вместе, в качестве зрителей «любви» других людей. Пока любовь существует как сон наяву, они могут соучаствовать в ней; но как только они возвращаются к реальности отношений двух реальных людей, – они становятся холодны.

Другой аспект сентиментальной любви представляет собой абстракция любви во времени. Пара может быть глубоко растрогана воспоминаниями о своей прежней любви, хотя когда их прошлое было настоящим, никакой любви не чувствовалось, – или фантазиями о своей будущей любви. Сколько помолвленных или молодоженов мечтают о блаженстве любви, которая придет в будущем, тогда как в тот момент, в котором они живут, уже начинают скучать друг с другом? Эта тенденция совпадает с общей установкой, характерной для современного человека. Он живет в прошлом или в будущем, но не в настоящем. Он предается сентиментальным воспоминаниям о своем детстве и своей матери или строит счастливые планы на будущее. Переживается ли любовь заместительно, как соучастие в выдуманных переживаниях других людей, переносится ли она из настоящего в прошлое или будущее, такая абстрактная и отчужденная форма любви служит наркотиком, который облегчает боль от реальности, одиночества и отчуждения.

Еще одна форма невротической любви состоит в использовании проективных механизмов для ухода от собственных проблем, сосредоточив внимание на недостатках и слабостях «любимого» человека. Индивиды ведут себя в этом отношении во многом как группы, нации и религии. Они прекрасно разбираются даже в малейших недостатках другого человека и пребывают в блаженном неведении относительно своих собственных – всегда поглощенные стремлением обличать или изменить другого человека. Если два человека делают это одновременно – как часто и бывает – то отношения любви превращаются в отношения взаимной проекции. Если я властен, или нерешителен, или жаден, я обличаю это в моем партнере, и в зависимости от моего характера желаю или исправить его или наказать. Другой человек делает то же самое – и таким

образом оба успешно игнорируют свои собственные проблемы и потому не предпринимают никаких шагов, которые помогли бы им в их собственном развитии.

Существует еще и проекция своих собственных проблем на детей. Прежде всего, такая проекция нередко проявляется в желании чего-то для своих детей. В этих случаях подобное желание вызвано главным образом проекцией проблем собственного существования на существование детей. Когда человек чувствует, что он не в состоянии придать смысл собственной жизни, он старается обрести этот смысл в жизни своих детей. Но так можно ввергнуть в беду и самого себя, и детей. Себя – потому, что проблему существования можно разрешить только самостоятельно, а не при помощи посредника; детей – потому что у родителей могут отсутствовать те качества, какие необходимы для того, чтобы направить детей в их поиске ответа. Дети служат проективным целям и тогда, когда встает вопрос о расторжении несчастливого брака. Стандартный аргумент, используемый родителями в такой ситуации, это что они не могут разойтись, чтобы не лишать детей благ единой семьи. Однако всякое тщательное изучение показало бы, что атмосфера напряженности и несчастливости внутри «единой семьи» более вредна для детей, чем открытый разрыв – который, по крайней мере, учит их, что посредством смелого решения можно изменить непереносимую ситуацию.

Следует упомянуть здесь еще одну часто встречающуюся ошибку. А именно, иллюзию, что любовь обязательно означает отсутствие конфликтов. Так же как люди привыкли думать, что боли и печали надо избегать при любых обстоятельствах, так же они привыкли думать, что любовь означает полное отсутствие конфликтов. И они находят резоны в пользу этой идеи в том, что столкновения, которые они видят вокруг, оказываются лишь разрушительным взаимообменом, не приносящим ничего хорошего ни одной из сторон. Но истинная причина такого положения дел состоит в том, что для большинства людей «конфликты» служат всего лишь попытками избежать действительных конфликтов. Это скорее несогласие по незначительным и поверхностным вопросам, по самой своей природе не поддающимся прояснению или разрешению. Действительные конфликты между двумя людьми служат не сокрытию или проекции, а переживаются на глубоком уровне внутренней реальности, из которой они и исходят, и такие конфликты не разрушительны. Они ведут к прояснению, они производят катарсис, из которого оба человека выходят обогащенными знанием и силой. Это заставляет еще раз подчеркнуть то, о чем говорилось выше.

Любовь возможна, только если два человека связаны друг с другом центрами своего существования, а, значит, каждый из них чувствует в самом себе центр своего существования. Только в таком «центральной переживании» состоит человеческая реальность, только здесь жизненность, только здесь основа любви. Любовь, так переживаемая, это постоянная включенность, это не состояние неподвижности, а состояние движения, роста, работы сообща; даже наличие гармонии или конфликта, радости или печали оказывается второстепенным на фоне фундаментальной значимости того факта, что каждый из двух людей ощущает всю полноту собственного существования, что в единстве друг с другом каждый из них обретает себя, а не теряет. Есть только одно доказательство наличия любви: глубина отношений, жизненность и сила каждого из любящих – это плод, по которому узнается любовь.

Как автоматы не могут любить друг друга, так не могут они любить и Бога. Разложение любви к Богу достигло той же степени, что и разложение любви к человеку. Этот факт разительно противоречит идее, что мы в данное время являемся свидетелями религиозного ренессанса. Ничто не может быть дальше от истины. Мы – свидетели возврата (пусть и с некоторыми исключениями) к идолопоклонскому понятию Бога и превращения любви к Богу в отношение, соответствующее структуре отчужденного характера. Возврат к идолопоклонскому понятию Бога вполне очевиден. Люди тревожны, у них нет ни принципов, ни веры, они не видят для себя другой цели кроме движения вперед; поэтому они продолжают оставаться детьми, надеяться, что мать или отец придут к ним на помощь, когда эта помощь потребуется.

Конечно, в религиозных культурах, таких как средневековая, обычный человек тоже видел в Боге отца и мать, приходящих на помощь. Но в то же время он воспринимал Бога всерьез в том смысле, что высшей его целью была жизнь в согласии с божьими заповедями, «спасение» – важнейшим делом, которому служили все другие действия. Ныне никаких таких усилий не обнаруживается. Повседневная жизнь четко отделена от всех религиозных ценностей. Она

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
посвящена борьбе за материальные блага и за успех на личностном рынке. Принципы, на которых строятся наши светские усилия, это принципы безразличия и эгоизма (последний часто величается «индивидуализмом» или «индивидуальной инициативой»). Человека истинно религиозных культур можно сравнить с ребенком лет восьми, который нуждается в отце-помощнике, но который старается применять его наставления и принципы к своей жизни. Современный же человек скорее похож на трехлетнего ребенка, который зовет отца, когда тот ему нужен, и которому вполне достаточно самого себя, когда он занят игрой.

С одной стороны, при такой инфантильной зависимости от антропоморфного образа Бога, живя не сообразуясь с божьими заветами, мы ближе к первобытному племени идолопоклонников, чем к религиозной культуре Средневековья. А с другой стороны, наша религиозная ситуация обнаруживает черты, которые новы и характерны только для современного западного капиталистического общества. Я могу сослаться на утверждения, сделанные в предыдущей части этой книги. Современный человек превратил себя в товар; он воспринимает свою жизненную энергию как инвестицию, с которой он желал бы получить как можно больше прибыли с учетом своего положения и ситуации на личностном рынке. Он отчужден от себя, от своих близких, от природы. Его главная цель – прибыльно обменяться своими умениями, знаниями и своим «я», своим «персональным пакетом», с другими людьми, которые в равной мере стремятся к честному и прибыльному обмену. Жизнь не имеет ни цели – помимо цели двигаться; ни принципов – помимо принципов честного обмена, ни удовольствия – помимо удовольствия потреблять.

Что может означать понятие Бога в данных обстоятельствах? Оно превратилось из своего первоначального религиозного значения в значение, соответствующее отчужденной культуре успеха. В религиозном оживлении недавних времен вера в Бога превратилась в психологический прием, предназначенный способствовать лучшему приспособлению к конкурентной борьбе.

Религия становится союзницей самовнушения и психотерапии в содействии человеку в его деловой активности. В 20-е годы еще не взывали к Богу, чтобы «усовершенствовать свою личность». Бестселлер 1938 года «Как приобрести друзей и влиять на людей» Дэйла Карнеги ограничился исключительно светским уровнем. Ту функцию, какую исполнила в свое время книги Карнеги, теперь исполняет современный популярнейший бестселлер «Сила позитивного мышления» преподобного Н. В. Пила. В этой религиозной книге даже не ставится вопрос о том, согласуется ли с духом монотеистической религии доминирующая ныне заинтересованность в успехе. Напротив, эта высшая цель не подвергается сомнению, а вера в Бога и молитва рекомендуются как средства увеличить собственную способность добиваться успеха. Так же как современные психиатры рекомендуют наемным работникам быть счастливыми, чтобы привлекать клиентуру, так некоторые священники рекомендуют любить Бога, чтобы добиваться большего успеха. «Сделай Бога своим партнером» – это скорее означает сделай Бога своим партнером в бизнесе, чем воссоединись с Ним в любви, справедливости и истине. Так же как братская любовь заменилась безличной ярмаркой, Бог превратился в далекого Генерального директора корпорации Вселенная: ты знаешь, что он есть, что он руководит предприятием (хотя, вероятно, оно могло бы управляться и без него), ты никогда не увидишь его, но ты признаешь его руководство, «исполняя свою роль».

IV. ПРАКТИКА ЛЮБВИ

Рассмотрев теоретический аспект искусства любви, мы сейчас стоим перед гораздо более трудной проблемой, проблемой практики искусства любви. Как же научиться практике какого бы то ни было искусства, не занимаясь им?

Трудность проблемы в том, что в наше время большинство людей, а значит и многие читатели этой книги, ожидают, что им будут даны предписания, «как сделать это самому», в нашем случае это означает, что их научат любить. Боюсь, что всякий, кто приступает к этой последней главе с таким настроением, будет глубоко разочарован. Любовь это личное переживание, которое каждый может пережить только сам и для себя; в самом деле, вряд ли найдется хоть кто-то, не испытывающий или не испытывавший хоть малой доли этого переживания, по крайней мере, в детстве, юности, или в зрелом возрасте. Говоря о практике любви, можно рассмотреть предпосылки искусства любви, так сказать, подступы к нему, и практическую сторону этих предпосылок и подступов. Шаги же к этой цели можно сделать только самостоятельно, рассмотрение заканчивается до того, как будет сделан

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
решительный шаг. Все же я полагаю, что рассмотрение подступов может помочь в овладении этим искусством, по крайней мере, тем, кто освободился от ожидания «предписаний».

Практика любого искусства имеет определенные общие требования, независимо от того, имеем ли мы дело с искусством плотника, врача или искусством любви. Прежде всего, практика любого искусства требует дисциплины. Я никогда не достигну хороших результатов, если не буду выполнять свое дело дисциплинированно; если я делаю что-то, только когда я «в настроении», это может быть приятным или занятным хобби, но я никогда не стану мастером в этом искусстве. Но проблема не исчерпывается только дисциплиной в практике какого бы то ни было искусства (заниматься, скажем, определенное количество часов каждый день), но требует дисциплины всей собственной жизни. Можно подумать, что для современного человека нет ничего легче, чем научиться дисциплине. Разве он не проводит самым дисциплинированным образом восемь часов в день на работе, которая подчинена строгому распорядку? Факт, однако, в том, что современный человек имеет чрезвычайно низкую самодисциплину за пределами рабочей сферы. Когда он не работает, ему хочется быть ленивым, ничего не делать, или, выражаясь благозвучнее, – «расслабиться». Само это желание безделья в значительной степени является реакцией на строгий распорядок жизни. Из-за того, что человек пребывает в напряжении восемь часов в день, используя свою энергию не для собственных целей, не по своему усмотрению, а в предписанном для него ритме работы, он бунтует, и его бунт принимает форму детского потворства себе. К тому же, в борьбе с авторитаризмом он становится недоверчив ко всякой дисциплине, как к принуждению посредством иррационального авторитета, так и к рациональной дисциплине, однако, жизнь становится расхлябанной, хаотичной и лишенной сосредоточенности.

Едва ли нужно доказывать, что сосредоточенность составляет необходимое условие для овладения искусством. Всякий, кто когда-либо пытался обучиться какому бы то ни было искусству, знает это. Сосредоточенность, однако, еще более редка в нашей культуре, чем самодисциплина. Напротив, наша культура ведет к рассредоточенности и беспорядочному образу жизни, едва ли встречающихся где-либо еще. Ты делаешь много вещей сразу: читаешь, слушаешь радио, говоришь, куришь, ешь, пьешь. Ты – потребитель с открытым ртом, готовый поглощать все – картины, напитки, знания. Это отсутствие сосредоточенности очевидно, если вспомнить, как трудно нам оставаться наедине с собой. Для большинства людей невозможно сидеть спокойно, не разговаривая, не куря, не читая, не выпивая. Они становятся нервными и взвинченными и должны что-то делать со своим ртом и своими руками. (Курение это один из симптомов такого отсутствия сосредоточенности, оно занимает руку, рот, глаза и нос).

Третий фактор это терпение. Опять же всякий, кто когда-либо пытался заниматься каким-либо искусством, знает, что терпение необходимо, если хочешь чего-то достичь. Если кто-то гонится за быстрыми результатами, он никогда не научится искусству. Однако для современного человека терпение столь же труднодостижимо, как дисциплина и сосредоточенность. Вся наша современная индустриальная система содействует прямо противоположному – торопливости. Все наши машины предназначены для быстроты: автомобиль и самолет быстро переносят нас к месту назначения – и чем быстрее, тем лучше. Машина, которая может производить то же количество за половину времени, в два раза лучше старой и более медленной машины. Конечно, для этого существуют важные экономические причины. Но, как и во многих других отношениях, человеческие ценности стали определяться экономическими ценностями. Что хорошо для машины, должно быть хорошо и для человека, – такова логика. Современный человек думает, что он теряет время, когда не действует быстро, однако он не знает, что делать с выигранным временем, кроме как убить его.

Последним условием обучения всякому искусству является высшая заинтересованность в обретении мастерства в этом искусстве. Если искусство не является для ученика предметом высшей важности, он никогда не обучится ему. Он останется, в лучшем случае, хорошим дилетантом, но никогда не станет мастером. Это условие столь же необходимо в искусстве любви, как и в любом другом искусстве. Однако, по-видимому, в искусстве любви больше, чем в каком-либо другом искусстве, пропорция между мастерами и дилетантами нарушается в сторону дилетантов.

Наряду с общими условиями обучения всякому искусству следует уделить

внимание еще одному пункту. Искусству начинают учиться не впрямую, а как бы исподволь. Прежде чем приступать к самому искусству, нужно научиться большому числу, казалось бы, несвязанных с ним вещей. В столярном искусстве ученик начинает с того, что учится строгать доску; новичок в искусстве игры на фортепьяно начинает с гамм; ученик в дзенском искусстве стрельбы из лука начинает с дыхательных упражнений [56]. Если хочешь стать мастером в каком-либо искусстве, ему нужно посвятить всю жизнь, или, по крайней мере, связать ее с ним. Собственная личность становится орудием в практикуемом искусстве, и это орудие нужно поддерживать в надлежащем состоянии, чтобы оно могло выполнять свои определенные функции. В отношении искусства любви это означает, что тот, кто стремится стать мастером в этом искусстве, должен начать практиковать дисциплину, сосредоточенность, терпение во всех сферах своей жизни.

Как практиковать дисциплину? Нашим дедам было бы гораздо легче ответить на этот вопрос. Они рекомендовали вставать рано утром, не предаваться ненужным излишества, упорно трудиться. У такого рода дисциплины были очевидные недостатки. Она была сурова и авторитарна, сосредоточена на добродетелях умеренности и бережливости, и во многих отношениях враждебна к жизни. Но реакцией на этот вид дисциплины стала усилившаяся тенденция подозрительного отношения ко всякой дисциплине и ленивого, недисциплинированного потворства своим желаниям в остальной жизни как противовеса и противодействия распорядку, навязываемому нам в течение восьми часов рабочего времени. Вставать в определенное время, посвящать в течение дня определенное время таким действиям, как размышление, чтение, слушание музыки, прогулка; не предаваться, по крайней мере, сверх определенного минимума, таким уводящим от реальности действиям как чтение детективов и просмотр кинофильмов, не переедать и не перепивать – вот несколько ясных и простых правил. Однако суть в том, что дисциплину нельзя практиковать как некое извне навязанное правило, а надо, чтобы она стала выражением собственной воли; чтобы она воспринималась как что-то приятное, и чтобы постепенно приучив себя к такому поведению, почувствовать нехватку дисциплины сразу же, если перестанешь ее исполнять. Один из неудачных аспектов нашего западного понимания дисциплины (как и всякой добродетели) отражен в представлении, что ее практикование должно быть чем-то мучительным, и только если есть эта мучительность, тогда «все хорошо». Восток давно осознал, что то, что хорошо для человека – для его тела и духа – должно быть приятным, хотя бы вначале и пришлось преодолеть некоторые препятствия.

Сосредоточенность еще труднее практиковать в нашей культуре, где все, кажется, направлено против способности сосредоточения. Самый важный шаг в обучении сосредоточенности это научиться оставаться наедине с собой, без чтения, слушания радио, курения и выпивки. Способность сосредоточиться это, по сути, и есть способность оставаться наедине с собой – и именно она является необходимым условием способности любить. Если я привязан к другому человеку потому, что не могу стоять на собственных ногах, то этот другой может стать моим спасением в жизни, но наши отношения не будут любовью. Парадоксально, но способность оставаться наедине с собой является условием способности любить. Каждый, кто попытается оставаться наедине с собой, убедится, как это трудно. Он почувствует беспокойство, смятение или даже ощутит сильную тревогу. Он будет склонен оправдывать свое нежелание продолжать попытки сосредоточения тем, что это не имеет смысла, что это просто глупо, отнимает слишком много времени и т. д. и т. п. К тому же он заметит, что ему лезут в голову разные мысли, от которых он не может избавиться. Он поймает себя на том, что думает о планах на нынешний день или о каких-то трудностях в предстоящей работе, или о том, куда пойти вечером, или о каких-либо других вещах, которые придут на ум – вместо того, чтобы в уме наступил покой. Полезно научиться выполнять несколько самых простых упражнений, например, сесть в свободную позу (не слишком расслабившись и не слишком напрягаясь), закрыть глаза и попытаться увидеть перед собой белый экран, постараться удалить все рассеянные образы и мысли; потом попытаться следить за своим дыханием, не думать о нем и не управлять им, а следить за ним – дыша, ощущать его; далее, попытаться почувствовать свое «я»; я – это я сам, центр своих сил, творец своего мира. Следует делать такое упражнение на сосредоточение каждое утро, по крайней мере, двадцать минут (а если возможно, то дольше) и каждый вечер перед сном [57].

Кроме таких упражнений можно научиться быть сосредоточенным во всем, что делаешь: в слушании музыки, в чтении книги, в разговоре с человеком, в рассматривании чего-либо. То, что делаешь в данный момент, должно быть тем единственным, чему следует отдаваться целиком. Если сосредоточиться, то не

имеет значения, что делать; как важные, так и неважные вещи получают новое измерение, потому что на них сосредоточено все внимание. Обучение сосредоточенности требует избегать, насколько это возможно, тривиальных разговоров, т. е. разговоров несущественных. Если два человека говорят о том, как растет дерево, которое они оба знают, или о вкусе хлеба, который они вместе ели, или об общем для них опыте в их работе, то такая беседа может быть важной при условии, что они переживают то, о чем говорят, а не толкуют об этом отвлеченно; беседа же, касающаяся вопросов политики или религии, может оказаться вполне тривиальной; так происходит, когда два человека говорят штампами, не вкладывая душу в то, о чем говорят. Я должен здесь добавить, что насколько важно избегать тривиального разговора, настолько же важно избегать дурной компании. Под дурной компанией я имею в виду не только людей порочных и вредоносных; их компании следует избегать потому, что общение с ними отравляет и угнетает. Я имею в виду компанию зомби, «живых трупов», чей дух мертв, хотя тело живо; компанию людей, чьи мысли и разговоры тривиальны; которые болтают вместо того, чтобы говорить, и которые изрекают штампы вместо того, чтобы думать самостоятельно. Однако не всегда возможно избежать компании таких людей, а то и не обязательно. Если реагировать не так, как они ожидают – т. е. штампами и тривиальностями – а откровенно и человечно, то часто случается, что такие люди меняют свое поведение; этому способствует их удивление перед чем-то неожиданным.

Быть сосредоточенным в отношениях с другими людьми это значит, в первую очередь, быть в состоянии слушать. Многие люди слушают других или даже дают советы, фактически не слушая. Они не принимают слова другого человека всерьез, они не принимают всерьез и собственные ответы. В результате, разговор утомляет их. Они пребывают в иллюзии, что утомились бы еще больше, если бы слушали сосредоточенно. Но истина в противоположном. Всякая деятельность, осуществляемая сосредоточенно, пробуждает (хотя впоследствии и наступает естественная и полезная усталость), а всякая несосредоточенная деятельность усыпляет, хотя в конце дня она-то и не дает уснуть.

Быть сосредоточенным это значит жить полностью в настоящем, здесь и сейчас, а не думать о том, как сделать предстоящее дело, когда нужно правильно делать что-то именно теперь. Нет нужды говорить, что больше всего сосредоточенности должно быть у тех, кто любит друг друга. Они должны научиться быть близкими друг другу, не разбрасываясь по многим направлениям, как это обычно бывает. Начать практиковать сосредоточенность будет трудно; будет казаться, что этой цели никогда не достичь. Едва ли надо говорить о том, что здесь необходимо терпение. Если забыть, что все требует времени, и хотеть форсировать дело, то, действительно, никогда не достичь успеха ни в обретении сосредоточенности, ни в искусстве любви. Чтобы понять, что такое терпение, надо только посмотреть, как ребенок учится ходить. Он падает, падает, и снова падает, и все же продолжает делать попытки, совершенствуется, пока однажды не пойдет, не падая. Чего мог бы достичь взрослый человек, обладай он терпением ребенка и его сосредоточенностью на важных целях!

Нельзя научиться сосредоточенности, не умея чувствовать себя. Что это значит? Нужно ли все время думать о себе, «анализировать» себя? Если бы мы говорили о том, что значит чувствовать машину, это нетрудно было бы объяснить. Например, каждый, кто водит автомобиль, – чувствует его. Он замечает даже малейший, необычный шум, малейшие изменения при включении мотора. Точно также водитель чувствует изменения поверхности дороги и движение машин, едущих перед ним и за ним. Однако же он не думает обо всех этих факторах; его ум находится в состоянии релаксированной бдительности, открыт всем существенным изменениям ситуации, на которой он сосредоточен, – безопасно вести автомобиль.

Самый наглядный пример способности чувствовать другого человека дает нам чувствительность и отзывчивость матери к своему ребенку. Она замечает любые телесные перемены, нужды, тревоги ребенка еще до того, как они будут открыто выражены. Она пробуждается от плача ребенка, тогда как другие, намного более громкие звуки не смогли бы ее разбудить. Все это означает, что она чувствует проявления жизни ребенка; она не тревожна и не беспокойна, а находится в состоянии бдительного равновесия, восприимчива ко всякому малейшему сигналу, идущему от ребенка. Таким же образом можно чувствовать самого себя. Например, можно отдавать себе отчет в чувстве усталости или угнетенности, но вместо того, чтобы предаваться им и поддерживать их угнетающими мыслями, которые всегда есть наготове, надо спросить себя: «В чем дело? Почему я подавлен»? То же самое надо делать,

когда замечаешь, что раздражен или разозлен, или хочется пофантазировать, или иным способом убежать от себя. В каждой из таких ситуаций важно понять, что происходит, а не объяснять все как попало, тысячей и одним из возможных способом. Более того, надо быть открытым собственному внутреннему голосу; он скажет – часто довольно прямо – почему мы тревожны, подавлены, раздражены.

Обычный человек восприимчив к своим телесным процессам: он замечает в них перемены и даже незначительную боль; такой вид телесной восприимчивости относительно легко испытать, поскольку большинство людей имеют опыт хорошего самочувствия. Такая же восприимчивость к собственным душевным процессам намного более труднодостижима, потому что многие люди никогда не знали человека, живущего оптимально. Они принимают за норму психическую жизнь своих родителей и родственников или той социальной группы, в какой рождены, но пока они сами не отличаются от них, они чувствуют себя нормально и не заинтересованы в каких-либо наблюдениях. Есть много людей, которые не видели, например, любящего человека или человека цельного, отважного, сосредоточенного. Вполне очевидно, что чтобы быть восприимчивым к себе, надо ясно представлять, что такое полноценная здоровая человеческая жизнь, а как достичь такого представления, если его не было ни в детстве, ни в позднейшей жизни? Ясно, что на этот вопрос нет простого ответа, но сам вопрос указывает на один достойный критики фактор в нашей системе обучения.

Хотя мы научаем знаниям, но не уделяем внимания такому обучению, какое в высшей степени важно для человеческого развития: обучению посредством простого присутствия зрелого, любящего человека. В предшествующие эпохи нашей культуры, или в Китае и Индии, наиболее высоко ценимым был человек выдающихся духовных качеств. Учитель был не только, и даже не в первую очередь, источником информации, но в его функцию входило обучение определенным человеческим установкам. В современном капиталистическом обществе – и то же относится и к русскому коммунизму – людьми, внушающими восхищение и желание подражать, являются кто угодно, но только не носители выдающихся духовных качеств. В глазах общественности значительны те, кто дает обычному человеку чувство заместительного удовольствия. Кинозвезды, исполнители песен, обозреватели, важные деловые и правительственные фигуры – вот образцы для подражания. На эту роль их зачастую выдвигает то, что им удалось добиться известности. Все же ситуация не представляется совсем уж безнадежной. Если принять во внимание, что такой человек, как Альберт Швейцер смог стать знаменитым в Соединенных Штатах, если представить, как много есть возможностей познакомить нашу молодежь с живущими ныне и историческими личностями, жизнь которых показывает, чего могут достичь настоящие люди, а не увеселители в широком значении этого слова, если вспомнить о великих произведениях литературы и искусства всех времен, то окажется, что есть шанс создать представление о настоящей человеческой жизни, а значит и восприимчивость к неправильной жизни. Если же нам не удастся способствовать такому представлению о зрелой жизни, тогда мы действительно столкнемся с вероятностью того, что вся наша культурная традиция прервется. Эта традиция основывается на передаче, прежде всего, не определенных видов знания, а определенных человеческих качеств. Если грядущие поколения никогда больше не увидят этих качеств, то культура пяти тысячелетий рухнет, даже если будет дальше передано и развито ее знание.

До сих пор я рассматривал то, что необходимо для практики любого искусства. Теперь собираюсь рассмотреть те качества, которые имеют особое значение для способности любить. В соответствии с тем, что я говорил о природе любви, главное условие в достижении любви составляет преодоление собственного нарциссизма. При нарциссистской ориентации человек воспринимает как реальность только то, что существует внутри него самого, явления же внешнего мира реальны не сами по себе, а только с точки зрения их полезности или опасности для него. Полус, противоположный нарциссизму, это объективность; она представляет собой способность видеть людей и вещи такими, каковы они есть, объективно, а также способность отделять эту объективную картину от картины, сформированной собственными желаниями или страхами. Все формы психозов обнаруживают доходящую до крайности неспособность к объективности. Для безумца единственная реальность та, которая существует внутри него, реальность его страхов и желаний. Явления внешнего мира он видит как символы своего внутреннего мира, свое творение. Со всеми нами происходит то же самое, когда мы спим. Во сне мы творим события, создаем драмы, которые являются выражением наших желаний и страхов (а иногда и наших интуиций и суждений), и, хотя мы спим, мы воспринимаем продукты наших сновидений столь же реальными, как и реальность, которую

Фромм Эрих Искусство любви filosoff.org
воспринимаем в состоянии бодрствования.

Безумец и сновидец полностью лишены объективного взгляда на внешний мир; но все мы в большей или меньшей степени безумны, в большей или меньшей степени погружены в сон; все мы имеем необъективный взгляд на мир, взгляд, искаженный нашей нарциссистской ориентацией. Привести примеры? Каждый может легко их найти, взглянув на самого себя, на своих соседей, или почтаив газеты. Разница будет лишь в степени нарциссистского искажения действительности. Например, женщина звонит врачу и говорит, что она хочет придти к нему на прием сегодня днем. Врач отвечает, что сегодня днем он не свободен, и может принять ее на следующий день. Она отвечает: «Доктор, но я ведь живу всего в пяти минутах ходьбы от вашего кабинета». Она не может понять его объяснение, что ее близкое местонахождение не экономит ему время. Она воспринимает ситуацию нарциссистски: раз она экономит время, значит, и он экономит время; единственная реальность для нее это она сама.

Менее экстремальны – или возможно только менее очевидны – искажения, которые обычны в межличностных отношениях. Как много родителей реагирует только на то, послушен ли их ребенок, доставляет ли он им радость, служит ли предметом их гордости, и так далее, вместо того, чтобы воспринять, или хотя бы заинтересоваться тем, что чувствует сам ребенок? Как много мужей считают своих жен тиранками только потому, что привычка к материнской снисходительности заставляет их воспринимать любое требование как ограничение собственной свободы. Как много жен считают своих мужей неудачниками или глупцами только потому, что те не соответствуют фантастическому образу блестящего принца, созданному ими в детстве?

Печально известно отсутствие объективности в отношении к другим народам. Что ни день в другом народе открываются все новые черты испорченности и жестокости, в то время как свой народ олицетворяет все хорошее и благородное. Каждое действие врагов оценивается по одному критерию, каждое собственное действие – по другому. Даже хорошие поступки врага считаются знаками особых дьявольских уловок, имеющих целью обмануть нас и весь мир, в то время как наши плохие поступки признаются необходимыми и оправдываются нашими благородными целями, которым они служат. Так что, если проследить отношения между народами, как и между индивидами, можно придти к заключению, что объективность является исключением, а большая или меньшая степень нарциссистского искажения – правилом.

Способность судить объективно – это разум. Эмоциональная установка, основанная на разуме, это смирение. Быть объективным, пользоваться собственным разумом можно только при достижении установки на смирение, при избавлении от мечтаний о всезнании и всемогуществе, которые свойственны детству.

Применительно к данному рассмотрению практики искусства любви это означает: любовь, будучи зависима от относительного отсутствия нарциссизма, требует развития смирения, объективности и разума. Вся жизнь должна быть посвящена этой цели. Смирение и объективность нераздельны, как и любовь. Я не могу быть по-настоящему объективным к своей семье, если не могу быть объективным к чужим людям, и наоборот. Если я хочу научиться искусству любви, то должен стремиться к объективности в любой ситуации и стать восприимчивым к ситуациям, где я не объективен. Я должен стараться видеть разницу между моим нарциссистски искаженным образом человека и его поведения, и реальным человеком, существующим безотносительно к моим интересам, потребностям и страхам. Достичь объективности и разума это половина пути к достижению искусства любви, их нужно достичь в отношении ко всем людям, с которыми приходится вступать в общение. Если кто-то хочет сохранить объективность по отношению к любимому человеку и думает при этом, что без нее можно обойтись в отношениях со всем остальным миром, он вскоре убедится, что проигрывает и в том, и в другом.

Способность любви зависит от способности освободиться от нарциссизма, от кровосмесительной привязанности к матери и родовому клану; она зависит от нашей способности расти, развивать плодотворную ориентацию в наших отношениях к миру и к самим себе. Этот процесс освобождения, рождения, пробуждения требует одного качества, являющегося необходимым условием, – веры. Практика искусства любви требует практики веры.

Что такое вера? Обязательно ли это вера в Бога или в религиозные доктрины? Обязательно ли вера противостоит разуму и рациональному мышлению или

расходиться с ними? Чтобы приблизиться к пониманию проблемы веры, нужно провести различие между рациональной и иррациональной верой. Под иррациональной верой я понимаю веру (в человека или в идею), основывающуюся на подчинении иррациональному авторитету. Рациональная же вера, напротив, представляет собой убежденность, которая имеет своим источником наш собственный опыт мышления и чувствования. Рациональная вера это прежде всего не верование во что-то, а определенность и стойкость, которые свойственны нашим убеждениям. Вера это черта характера, пронизывающая всю личность, а не какое-то особое верование во что-то.

Рациональная вера коренится в плодотворной интеллектуальной и эмоциональной деятельности. В рациональном мышлении, где, как считается, вере нет места, рациональная вера является важным компонентом. Как, например, ученый приходит к новому открытию? Разве он ставит эксперимент за экспериментом, собирает факт за фактом, не имея идеального образа того, что он надеется найти? Редко по-настоящему важное открытие в какой бы то ни было области делалось именно таким способом. Люди не могут придти к важным выводам и тогда, когда идут на поводу у своих фантазий. Процесс творческого мышления в любой области человеческих усилий часто начинается с того, что можно назвать «рациональным видением», которое само представляет результат серьезного предшествующего исследования, рефлексивного размышления и наблюдения. Когда ученому удастся собрать достаточное количество данных или вывести математическую формулу, делающую его первоначальный образ в высокой степени вероятным, можно сказать, что он создал рабочую гипотезу. Тщательный анализ гипотезы с целью выяснения ее следствий, и сбор данных, ее подтверждающих, ведут к более адекватной гипотезе, и, наконец, возможно, к ее включению в широкоохватную теорию.

История науки полна примеров веры в разум и истину. Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон – все они были вдохновлены непоколебимой верой в разум. За нее Бруно сгорел на костре, а Спиноза подвергся отлучению. Вера необходима на всем пути от замысла к рациональному видению и далее к формированию теории: вера в рациональное видение как разумно намеченную цель, вера в гипотезу, как вероятное и правдоподобное предположение, и вера в окончательную теорию, пока, наконец, не будет достигнуто общее согласие в ее действительности. Источником этой веры служит собственный опыт, уверенность в силе собственной мысли, наблюдения и суждения. Иррациональная вера это принятие чего-то за истину только потому, что так говорят авторитет или большинство людей, а рациональная вера это результат независимого убеждения, основанного на собственном плодотворном наблюдении и размышлении, вопреки мнению большинства.

Мышление и суждение не составляют единственную область опыта, в которой проявляется рациональная вера. В сфере человеческих отношений вера является неременной чертой всякой серьезной дружбы или любви. «Иметь веру» в другого человека – значит быть уверенным в надежности и неизменности его фундаментных установок, самой сути его личности, его любви. Под этим я имею в виду не то, что человек не может менять своих мнений, а то, что его основные мотивации остаются одними и теми же; например, что его уважение к жизни и человеческому достоинству составляет часть его самого и не может измениться.

В этом же смысле мы верим в самих себя. Мы отдаем себе отчет в существовании собственного «я», неизменной сути нашей личности, сохраняющейся на протяжении всей нашей жизни вопреки меняющимся обстоятельствам, и независимо от определенных изменений в мнениях и чувствах. Эта суть, составляющая реальность того, что обозначается словом «я», и составляет основу нашего убеждения в собственной личной особенности. Если у нас нет веры в постоянство нашего «я», то наше чувство личной особенности оказывается под угрозой, и мы попадаем в зависимость от других людей, чье одобрение становится основой нашего чувства личной особенности. Только человек, имеющий веру в себя, способен верить в других, потому что он уверен, что в будущем будет таким же, каков он сегодня, а, следовательно, будет чувствовать и действовать так, как и теперь. Вера в себя это условие нашей способности обещать, а поскольку, как говорил Ницше, человек определяется по его способности обещать, то вера является одним из условий человеческого существования. Что касается любви, то здесь важна вера в собственную любовь, в ее способность возбуждать любовь в других, и в ее постоянство.

Еще одно значение веры в человека это вера в возможности других людей.

Самая простая форма ее существования это вера матери в свое новорожденное дитя: что оно будет жить, расти, ходить, говорить. Однако развитие этих способностей ребенка происходит с такой закономерностью, что ожидания такого рода кажутся не требующими веры. Другое дело те возможности ребенка, которые могут не получить развития: это его способность любить, быть счастливым, разумным, а также какие-то более специфические задатки вроде художественных дарований. Это семена, которые прорастают и приносят плоды при наличии надлежащих условий для их развития, но они могут оказаться загублены при отсутствии надлежащих условий.

Одним из самых важных таких условий является то, чтобы человек, играющий значительную роль в жизни ребенка, верил в его возможности. Наличием такой веры воспитание отличается от манипуляции. Воспитание тождественно помощи ребенку в реализации его возможностей [58]. Манипуляция противоположна воспитанию, будучи основана на отсутствии веры в развитие возможностей и на убеждении, что ребенок будет хорошим, только если взрослые вложат в него то, что желательно, и подавят то, что представляется нежелательным. Нет необходимости верить в робота, потому что в нем нет жизни.

Вера в других достигает своей кульминации в вере в человечество. В западном мире эта вера была выражена в религиозных терминах в иудео-христианской религии, а в светской сфере она находит свое ярчайшее выражение в гуманистических политических и социальных идеях последних полутора столетий. Как и вера в ребенка, эта вера основана на идее, что возможности человека позволят ему при надлежащих условиях построить социальный порядок, управляемый принципами равенства, справедливости и любви. До сих пор человечеству не удалось построить такой порядок, а потому убеждение, что оно сможет это сделать, все еще требует веры. Но, как и всякая рациональная вера, эта вера является не благим пожеланием, а основывается на свидетельствах прошлых достижений человеческого рода и на внутреннем опыте каждого индивида, на его собственном опыте разума и любви.

Иррациональная вера основывается на подчинении власти, воспринимаемой как неодолимая, всезнающая и всемогущая, и на отречении от собственной силы и возможностей, рациональная же вера основывается на противоположном опыте. Эта вера присутствует в наших мыслях, потому что она является результатом нашего собственного наблюдения и мышления. Мы верим в возможности других людей, в свои возможности и в человечество в той мере, в какой на собственном опыте узнали рост своих возможностей, реальность этого роста в себе, узнали силу нашего разума и любви. Основа рациональной веры – плодотворность; жить по своей вере – значит жить плодотворно. Из этого следует, что вера во власть (в смысле господства) и использование власти противоположны вере. Вера в существующую власть равнозначна неверию в развитие еще не успевших реализоваться возможностей. Предсказание будущего, основывающееся исключительно на реалиях настоящего времени, оказывается серьезным просчетом, глубоко иррациональным в своей неспособности учитывать человеческие возможности и человеческое развитие. Не существует рациональной веры во власть. Существует подчинение ей или, со стороны тех, кто ею обладает, желание ее удержать. Хотя многим власть кажется самой реальной из всех вещей, история человечества доказала, что это самое неустойчивое из всех человеческих достижений. Из-за того, что вера и власть взаимно исключают друг друга, все религии и политические системы, первоначально строившиеся на рациональной вере, начинают разлагаться и, наконец, теряют свою былую силу, если полагаются на власть или вступают в союз с ней.

Чтобы верить, нужна отвага, способность идти на риск, готовность испытать даже боль и разочарование. Не может верить тот, для кого первостепенными жизненными условиями стали безопасность и стабильность положения; кто ушел в глухую оборону, где средствами безопасности ему служат дистанция и собственность, тот сам делает себя узником. Чтобы быть любимым и любить, нужна отвага, отвага решиться поставить определенные ценности выше всех остальных, а также отвага ради этих ценностей ставить на карту все.

Такая отвага не имеет ничего общего с той отвагой, какую известный фанфарон Муссолини провозгласил в своем лозунге «жить среди опасностей». Его разновидность отваги это отвага нигилизма. Она коренится в разрушительной установке по отношению к жизни, в готовности потерять жизнь из-за неспособности любить ее. Отвага отчаяния противоположна отваге любви так же, как вера во власть противоположна вере в жизнь.

В чем же состоит практикование веры и отваги? Практикой веры может быть вся жизнь – каждый ее момент. Веры требует воспитание ребенка; веры требует засыпание, веры требует любое новое дело. Но все мы привыкли, что у нас есть такая вера. У кого ее нет, тот страдает от вечной тревоги за своего ребенка или от бессонницы, или от неспособности к любой плодотворной работе; или становится подозрительным, воздерживаясь от сближения с кем бы то ни было, или ипохондриком, или неспособным спланировать будущее на дальнюю перспективу. Вера и отвага нужны, чтобы оставаться верными своему суждению о человеке, даже если общественное мнение или какие-то непредвиденные факты, казалось бы, противоречат этому суждению; вера и отвага нужны, чтобы оставаться верными своим убеждениям, даже если они непопулярны. Принимать трудности, поражения и горести жизни как испытания, преодоление которых делает нас более сильными, а не как несправедливую кару, которая не должна была нас постигнуть, – это тоже требует веры и отваги.

Практикование веры и отваги начинается с мелких подробностей каждодневной жизни. Первый шаг на этом пути – заметить, где и когда утрачивается вера, выявить оправдания, скрывающие эту утрату веры, осознать, какие поступки были трусливыми, и опять же, как эта трусость оправдывалась. Осознать, как каждая измена вере ослабляет, и как слабость ведет к новым изменам, и как это заводит в порочный круг. Далее придет понимание, что за осознаваемым страхом оказаться нелюбимым скрывается страх полюбить, обычно неосознаваемый. Любить значит довериться, не ожидая гарантий, отдаться полностью в надежде, что твоя любовь пробудит любовь в любимом человеке. Любовь это акт веры, и у кого мало веры, у того мало любви. Что еще сказать о практике веры? Пусть скажет кто-нибудь другой; будь я поэтом или проповедником, я бы попытался. Но так как я не поэт и не проповедник, то не стану даже пытаться более говорить о практике веры, но уверен, что всякий, кто действительно хочет, может научиться верить, как ребенок учится ходить.

Одну установку, необходимую для практикования искусства любви, которая прежде упоминалась лишь мельком, нужно рассмотреть подробнее, так как она является основной для практики любви. Это активность. Я уже говорил, что под активностью понимается не «делание чего-то», а внутренняя активность, плодотворное использование собственных сил. Любовь это активность; любя, я пребываю в состоянии постоянного активного интереса к любимому человеку, но не только к нему или к ней. Я не смогу активно относиться к любимому человеку, если я ленив, если я не пребываю в состоянии постоянной сознательности, внимательности, активности. Сон – единственная ситуация, допускающая неактивность; в состоянии бодрствования лени не должно быть места. В наше время огромное число людей находится в парадоксальной ситуации – они наполовину спят, когда бодрствуют, и наполовину бодрствуют, когда спят или хотят спать. Быть полностью бодрствующим это условие того, чтобы не скучать самому и не заставлять скучать других, – и, конечно же, не скучать и не быть скучным – это одно из главных условий любви. На протяжении всего дня активно мыслить и чувствовать, видеть и слышать, избегать внутренней лени, будь то в форме пассивности, или пустого времяпровождения, – это неперемное условие для практикования искусства любви. Иллюзия – считать, что можно разделить жизнь таким образом, что она будет плодотворной в сфере любви, и неплодотворной во всех других сферах. Плодотворность не допускает такого разделения труда. Способность любить требует энергичности, бодрствования, повышенной жизнестойкости, которые могут быть результатом только плодотворной и активной ориентации во многих других сферах жизни. Если кто-то не плодотворен в других сферах, он не плодотворен и в любви.

Рассмотрение искусства любви не может ограничиться только личной сферой обретения и развития тех черт характера и установок, которые были описаны в этой главе. Оно неразрывно связано с социальной сферой. Если любить значит относиться с любовью ко всем, если любовь – это черта характера, то она должна обязательно присутствовать не только в отношении к своей семье и друзьям, но также и к тем, с кем вступаешь в контакт в своей работе, делах, профессиональной деятельности. Здесь нет «разделения труда» между любовью к своим и любовью к чужим. Напротив, условием существования первой является существование второй. Принять это всерьез – значит решительно изменить свои социальные отношения, отступив от общепринятых. Хотя произносится много лицемерных слов о религиозном идеале любви к ближнему, в действительности наши отношения определяются в лучшем случае принципом честности. Быть честным значит не обманывать и не хитрить при обмене товарами и услугами, а также при обмене чувствами. «Я даю тебе столько же, сколько ты даешь мне»,

как в области материальных благ, так и в любви, – вот преобладающая этическая максима капиталистического общества. Можно даже сказать, что развитие этики честности это своеобразный вклад капиталистического общества в сферу этики.

Причины этого – в самой природе капиталистического общества. В докапиталистических обществах обмен благами определялся или прямым принуждением, традицией, или личными узами любви и дружбы. При капитализме определяющим фактором является рыночный обмен. Имеем ли мы дело с рынком товаров, или с рынком труда, или с рынком услуг, каждый человек обменивает то, что у него есть для продажи, на то, что он хочет приобрести, по условиям рынка, не прибегая к силе или обману.

Этику честности легко спутать с этикой золотого правила. Максиму «делай другим то, что ты хотел бы, чтобы делали тебе» можно истолковать в смысле «будь честен в обмене с другими». Но на самом деле она была первоначально сформулирована в более популярной версии библейской максимы: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». В действительности, иудейско-христианская норма братской любви совершенно отлична от этики честности. Она требует любить своего ближнего, то есть чувствовать ответственность за него и единство с ним, этика же честности требует чувствовать не ответственность и единство, а дистанцию и отделенность – это значит уважать права своего ближнего, а не любить его. Неслучайно, золотое правило стало сегодня самой популярной религиозной максимой; поскольку ее можно истолковать в смысле этики честности, она – единственная религиозная максима, которую каждый понимает и готов применять. Но практика любви должна начинаться с осознания различия между честностью и любовью.

Здесь, однако, возникает важный вопрос. Если вся наша социальная и экономическая структура основывается на том, что каждый ищет собственной выгоды, если она руководствуется принципом эгоизма, лишь смягченного этическим принципом честности, как можно заниматься бизнесом, как можно действовать в рамках существующего социального уклада – и в то же время любить? Разве любовь не предполагает отказа от всех мирских интересов и не требует разделить участь беднейших? Этот вопрос поднимали и давали на него решительный ответ христианские монахи и люди вроде Толстого, Альберта Швейцера и Симоны Вейль. Есть и такие [59], кто считает принципиально несовместимыми любовь и нормальную мирскую жизнь в нашем обществе. Они приходят к выводу, что говорить о любви сегодня значит соучаствовать в общей лжи; они заявляют, что в сегодняшнем мире любить может только мученик или сумасшедший, а значит вести речь о любви это не что иное как проповедь. Такая очень почтенная точка зрения может легко послужить оправданию цинизма. А ее-то безотчетно и придерживается обычный человек, который думает: «хотел бы я быть хорошим христианином – но пришлось бы умереть с голоду, если б я воспринял это всерьез». Этот «радикализм» приводит к моральному нигилизму. И «радикальные мыслители», и обычный человек – это лишенные любви автоматы, и различие между ними лишь в том, что обычный человек не осознает этого, а «радикальный мыслитель» осознает и признает «историческую необходимость» этого.

Я убежден, что признание абсолютной несовместимости любви и «нормальной» жизни правильно только в абстрактном смысле. Принцип, лежащий в основе капиталистического общества, и принцип любви несовместимы. Но современное общество в своем конкретном проявлении представляет собой сложный феномен. Продавец бесполезного товара, например, не может исполнять свою экономическую функцию, не прибегая ко лжи, а квалифицированный рабочий, химик или физик – может. Так же и фермер, рабочий, учитель и представители многих других профессий могут пытаться любить, не прекращая своих экономических функций. Даже отдавая себе отчет в том, что принцип капитализма несовместим с принципом любви, нужно признать, что «капитализм» так таковой является сложной и постоянно меняющейся структурой, все же допускающей значительную степень неконформизма и личной свободы.

Однако сказанное мной не подразумевает, что мы можем ожидать, что существующая ныне социальная система будет продолжать свое существование бесконечно, и в то же время надеяться на осуществление идеала любви к своему ближнему. Люди, способные любить, при нынешней системе по необходимости составляют исключение; любовь является по необходимости маргинальным явлением в сегодняшнем западном обществе. Не столько потому, что многие профессии не допускают отношений любви, сколько потому, что дух общества, сосредоточившегося на производстве и жадном потреблении товаров,

таков, что только неконформист может успешно защититься от этого духа. Те, кто серьезно относится к любви как единственному разумному ответу на проблему человеческого существования, должны придти к выводу о необходимости важных и радикальных перемен в нашей социальной структуре, если любви предстоит стать общественным, а не исключительно индивидуальным, маргинальным явлением. О направлении таких перемен можно сказать в рамках этой книги лишь вкратце [60].

Наше общество управляется менеджерской бюрократией, профессиональными политиками; людям в массовом порядке внушают, что их цель и назначение – больше производить и больше потреблять. Все виды деятельности подчинены экономическим задачам, средства становятся целями; человек стал автоматом – хорошо накормленным, хорошо одетым, но без малейшего интереса к своим главным человеческим качествам и функциям. Если человек способен любить, он должен занять свое верховное положение. Экономическая машина должна служить ему, а не он ей. Он должен получить право участвовать в переживании, участвовать в работе, а не только, в лучшем случае, в прибылях. Общество должно быть организовано так, чтобы социальная, любящая природа человека не отделялась от его социального существования, а воссоединилась с ним. Если верно, как я пытался показать, что любовь это единственный здравый и удовлетворительный ответ на проблему человеческого существования, то любое общество, которое так или иначе исключает развитие любви, должно, в конце концов, погибнуть от того, что оно противоречит основным потребностям человеческой природы. Нет, говорить о любви – это не «проповедь», по той простой причине, что это значит говорить о высшей и истинной потребности каждого человеческого существа. То, что эта потребность скрыта, не означает, что ее не существует. Анализ природы любви раскрывает ее широко распространенное отсутствие сегодня и ведет к критике социальных условий, ответственных за это отсутствие. Вера в возможность любви как социального, а не только исключительно индивидуального явления, это разумная вера, основанная на понимании самой природы человека.

Примечания

1

(лат.) Я – римский гражданин. (Здесь и далее звездочками отмечены примечания переводчицы)

2

См. более подробное исследование садизма и мазохизма в кн.: E. Fromm. *Escape from Freedom*. Rinehart and Company. New York. 1941

3

Спиноза. Этика, IV, Определения. 8. (в кн.: Бенедикт Спиноза. Избранные произведения. Том первый. М., Государственное издательство политической литературы. 1957. – Примеч. перев.)

4

См. более подробное рассмотрение этих ориентаций характера в кн.: E. Fromm. *Man for himself*. Rinehart and Company, New York. 1947. chap. III, p.p. 54 – 117.

5

Ср. определение радости у Спинозы.

6

Nationalökonomie und Philosophie. 1844. в кн.: Karl Marx. *Die Frühschriften*, Alfred Kroner Verlag, Stuttgart, 1953, pp. 300, 301. (цит по изданию: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 42, стр. 41-174. – Примеч. перев.)

7

Ветхий завет. Книга пророка Ионы, IV, 10–11. – Примеч. перев.

8

английское слово respect – «уважение» – происходит от латинского respicere.
– Примеч. перев.

9

И. Бабель. Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионыча. (Цит. по изданию: Исаак Бабель. Конармия. М., "Правда", 1990. – Примеч. перев.)

10

Древнегреческая надпись ?????? ???????? («познай самого себя»), начертанная на стене у входа в храм Аполлона в Дельфах. Об этой надписи упоминают Платон, Плутарх, Диоген Лаэртский и др. – Примеч. Перев.

11

Приведенное утверждение имеет важное следствие для роли психологии в современной западной культуре. Хотя огромная популярность психологии свидетельствует об интересе к познанию человека, она также выдает существенную нехватку любви в человеческих отношениях нашего времени. Психологические знания, таким образом, становятся заменителем полного знания, достижимого в любви, а не служат шагом к нему.

12

R. A. Nicholson. Rumi. – Georg Allen and Unwin, Ltd. London. 1950. p.p. 122–123. (Пер. Л. Чернышевой)

13

Фрейд сам сделал первый шаг в этом направлении в своей поздней концепции инстинктов жизни и смерти. Его концепция творческого начала (эроса), как источника синтеза и объединения, совершенно отлична от его концепции либидо. Но, несмотря на то, что теория инстинктов жизни и смерти принята ортодоксальными аналитиками, это принятие не повело к фундаментальному пересмотру концепции либидо, особенно, где дело касается клинической работы

14

Ср. описание этого развития у Салливан в кн. The Interpersonal Theory of Psychiatry. W. W. Norton & Co., New York, 1953.

15

«идеальные типы» – понятие, введенное немецким социологом М. Вебером: мысленный образ того или иного явления общественной жизни, представляющий его в идеале, эталонно, без отклонений, всегда присутствующих в конкретных реалиях. – Примеч. перев.

16

«архетипы коллективного бессознательного» – понятие, введенное швейцарским психологом К. Г. Юнгом. По его словам, «изначальные образы – наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества. ... Величайшие и наилучшие мысли человечества формируются поверх изначальных образов,

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org
представляющих собой как бы первичный рисунок. ...Архетипы – это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но и вместе с тем они эмпирически выступают как силы или тенденции к повторению тех же самых опытов». Архетипы были символически выражены в мифах и сказках, на личном уровне они проявляются в снах, фантазиях, видениях, озарениях. – Примеч. перев.

17

Simone Weil. Gravity and Grace. G.P. Putnam's Sons. New York.1952. p. 117.

18

Ср. Исход. 23.9: «Пришельца не обижай [и не притесняй его]: вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами в земле египетской.» – Примеч. перев.

19

Та же идея была выражена Германном Коэном в его Religion der Vernunft aus den Quellen des judentums. 2-nd edition. J. Kaufmann Verlag. Frankfurt am Main, 1929. p. 168 ff.

20

эгоизм вдвоем – Примеч. перев.

21

Пауль Тиллих в рецензии на «Здоровое общество» в Pastoral Psychology. September, 1955, выдвинул идею, что лучше было бы упразднить двусмысленный термин «любовь к себе» и заменить его термином «естественное самоутверждение» (natural self-affirmation) или «парадоксальное самовосприятие» (paradoxical self-acceptance). Высоко оценивая достоинства его побуждения, я не могу согласиться с ним в этом пункте. В понятии «self-love» парадоксальный элемент любви к себе выражен более отчетливо. Выражен тот факт, что любовь это установка, которая охватывает все объекты, включая и меня самого. Не нужно также забывать, что термин «любовь к себе» в том смысле, в каком он употреблен здесь, имеет свою историю; Библия говорит о любви к себе, когда советует «люби своего ближнего как самого себя». Мейстер Экхарт говорит о любви к себе в том же самом смысле.

22

John Calvin. Institutes of the Christian Religion, translated by J. Albu. Presbyterian Board of Christian Education. Philadelphia. 1928. chap.7. par.4. p.622.

23

Мейстер Экхарт. Проповеди и рассуждения. М., 1912, с. 39

24

Псалом 21, 10

25

Это верно в особенности для монотеистических религий Запада. В индийских религиях образ матери еще сохраняет значительное влияние, например, в образе богини Кали; в буддизме и даосизме понятие Бога – или Богини – не имело существенного значения, если не исключалось вовсе.

26

Ср. концепцию Маймонида о негативных атрибутах в кн.: The Guide for the Perplexed.

27

Аристотель. Метафизика, 1005в, 20.

28

Lao-tse. The Tao The King. The Sacred Books of the East. vol. XXXIX. London. 1927. p. 120 Цит: по дао дэ цзин, 78. – Перевод с древнекитайского Ян Хин-шуна в кн.: Древнекитайская философия, Собрание текстов в двух томах, т. 1, М., Мысль, 1972. – Примеч. перев.

29

W. Capelle. Die Vorsokratiker. Alfred Kroener Verlag, Stuttgart, 1953, p. 134 (Мой перевод – Примеч. Э.Ф.). Цит. русский перевод с древнегреческого фрагментов работы Гераклита Эфесского «Музы» или «О природе» см. в кн. Лукреций Кар. О природе вещей. Приложение, М., «Художественная литература», 1983, с.262 и след. – Примеч. перев.

30

Ibid., p. 132.

31

Ibid., p. 133.

32

Дао дэ цзин, 26. – Указ. соч. – Примеч. перев.

33

Там же, 37,

34

Там же, 70.

35

Там же, 71.

36

Там же, 1.

37

Там же, 14.

38

Там же, 56.

39

H.R. Zimmer. *Philosophies of India*. New York. 1951.

40

Ibid.

41

Ibid., с.424.

42

Ср. Zimmer. *op. cit.* p. 424

43

Цит. По Мейстер Экхарт. Проповеди и рассуждения, «Мусагет», Москва, 1912, с. 84–85 – Примеч. перев.

44

Там же. Ср. также негативную теологию Маймонида.

45

Мейстер Экхарт. Указ. соч.

46

Ср. более подробное обсуждение проблемы отчуждения и влияния современного общества на характер человека в кн. E. Fromm. *The Sane Society*. New York. 1955.

47

S. Freud. *Civilization and Its Discontents*, translated by J. Riviere, The Hogarth Press, Ltd., London, 1953, p. 69. (в русском переводе эта книга имеет название «Недовольство культурой» – Примеч. перев.)

48

Ibid., p. 69.

49

Ibid. p. 21.

50

S. Freud. *Gesamte Werke*. London. 1940.-52. vol. X.

51

Единственным учеником Фрейда, который так никогда не отделился от учителя, и все же в последние годы своей жизни изменил взгляд на любовь, был Шандор Ференци. Замечательный анализ этого предмета см. в кн.: *The leaven of love* by Izette de Forest. New York. 1954

52

H. S. Sullivan. *The Interpersonal Theory of Psychiatry*, W. W. Norton Co., New York, 1953. p. 246. Следует отметить, что хотя Салливан дает это определение в применении к подростковым стремлениям, он говорит о них как о развивающихся тенденциях, появляющихся в подростковом возрасте, «которые, когда они полностью разовьются, мы называем любовью», и утверждает, что эта любовь в подростковом возрасте «представляет собой начало чего-то очень похожего на полноценную, по психиатрическому определению, любовь».

53

Ibid., p. 246. Другое салливанское определение любви, что она появляется тогда, когда человек считает потребности другого человека столь же важными, как свои собственные, в меньшей степени окрашено рыночным духом, чем приведенное выше.

54

(лат.) высшее благо – примеч. перев.

55

(франц.) двойной психоз – психиатрический термин для формы навязчивого состояния, при котором оба представителя пары обмениваются своими бредовыми идеями, галлюцинациями и проч. – Примеч. перев.

56

За описанием необходимости сосредоточения, дисциплины, терпения и заинтересованности в обучении любому искусству я хочу отослать читателя к кн.: *Zen in the Art of Archery*, by E. Herrigel, Pantheon Books, Inc., New York. 1953

57

Хотя теория и практика этого предмета в значительной мере разрабатывались в восточных культурах, особенно в индийской, те же цели ставились в недавнее время и на Западе. Наиболее серьезной, на мой взгляд, является школа Гиндлера, цель которой состоит в чувствовании собственного тела. Для понимания гиндлеровского метода ср. также работы Шарлотты Сэлвер, ее лекции и курсы в Новой школе в Нью-Йорке.

58

Английское слово *education* (воспитание) происходит от латинского *educere*, буквального означающего «вести вперед», или вывести на свет что-то потенциально существующее.

59

См. статью Герберта Маркузе «*The Social Implications of Psychoanalytic Revisionism*», *Dissent*, New York, summer, 1955.

60

В книге «Здоровое общество» я попытался подробно рассмотреть эту проблему.

Фромм Эрих Искусство любви filosofff.org

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!